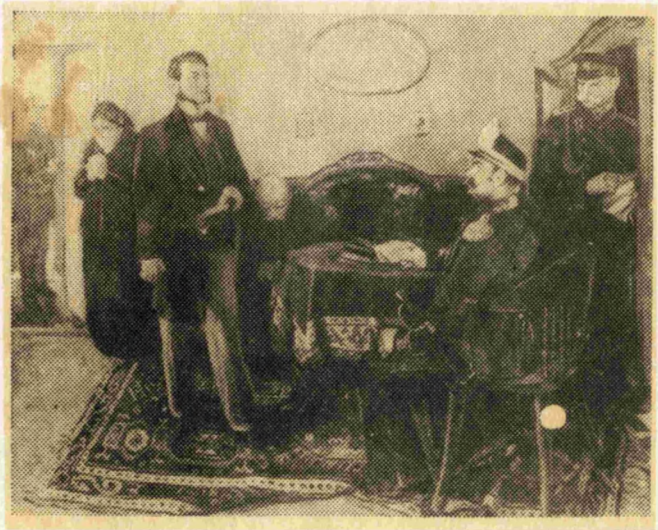
М. Багдыков



НАХИЧЕВАНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

М. Багдыков

Светлой памяти
родителей моих
посвящаю

НАХИЧЕВАНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Экскурсы,
зарисовки

Ростов-на-Дону
Ростовское
книжное
издательство
1991

НАХИЧЕВАНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Почитай врача честью
по надобности в нем,
ибо Господь создал его.
(Библия)

Слово о докторе

Особое место в Новом Нахичеване занимала прослойка врачей. Они всегда находились рядом с народом, делили его беды. Жизнь простых трудовых людей была им хорошо известна и понятна во всех ее проявлениях.

Молодые люди, выбравшие своим поприщем медицину, уезжали в Москву, Ленинград, Харьков, в Германию, Францию — получали высокопрофессиональное образование. Зачастую они были родом из бедных, несостоятельных семей, с детских лет встречались с трудностями бытия и с самым страшным из зол человеческих — болезнью. Выбор специальности редко бывал случайным.

В Нахичеване существовала традиция — малообеспеченных юношей, зарекомендовавших себя во время учебы в гимназии, армянская община посылала обучаться на свои средства врачебному делу с условием обязательного возвращения в родной город. Быть ординатором стационара Нахичеванской больницы являлось и делом особой чести, и привилегией, которой удостаивался не каждый окончивший вуз. Следовало еще пройти собеседование со старшими коллегами.

Широкое распространение получила в Нахичеване частная практика, прием больных у себя дома, вызов частного врача на дом и т. д. Весь город как бы поделен на сферы влияния, при этом формировался истинно семейный доктор. Учитывалось все: где он живет, к какому церковному приходу относится, городской или сельский он житель, даже то, из какой деревни. Существовала целая гамма признаков, по которым определялась главная составляющая доверия к врачу.

Задачей последнего являлось ежечасно, ежедневно работать на свой авторитет, поддерживать его, высоко нести профессиональную честь, не подорвать веру больных конкретно в него, каких бы трудов, сил и стараний это ни стоило. Так, если больной не выздоравливал и лечащий врач оказывался в трудном положении, созывался консилиум на дому больного. Подбирал его состав сам врач или советовал родственникам, кого следует пригласить, и при этом нес за состав консилиума моральную ответственность. Обсуждалось и поведение врачей на консилиуме, их доброжелательность, степень готовности помочь своему коллеге в трудном случае. Позволивший себе формальное присутствие терял доверие, о таком обычно говорили, что он нехороший человек, что его больше интересовали комнаты, мебель, вещи больного, чем сам больной. Долго такую позорную характеристику приходилось смывать со своего имени.

Мне довелось встречаться со старыми врачами на исходе их жизни. С каким-то особым вниманием и интересом они относились к молодой врачебной поросли, им не безразлично было: какое оно, новое поколение медиков? Каков их нравственный мир, какие мысли, идеи носут с собой? Вспоминали свои юные годы и начало врачебной деятельности, о методах повышения деловой квалификации. Времена были другие, другой социальный мир, но человек, больной человек, всегда оставался самым главным, самым важным. Многое из услышанного от них являлось для меня поучительным.

Учеба в медицинском институте практически всегда была делом трудным, изнурительным, а тогда, зачастую, и жизнь впроголодь. Приходилось подрабатывать репетиторством. Зато когда студент заканчивал вуз и становился врачом, все резко менялось. Старый доктор как-то рассказывал, как к нему, только что сдавшему выпускные экзамены, подошел совершенно незнакомый человек, сказал, что является представителем врачей донского края, предложил работать в районной больнице, сделал еще ряд заманчивых предложений, связанных с перспективой. Получив согласие, достал триста золотых, отдал их без расписки и просил дать телеграмму о сроке приезда в районную больницу. На эти деньги доктор поехал в Германию, где за определенную плату прослушал курс лекций и получил необходимые для начинающего специалиста навыки работы с больными. Ему была вручена целая библиотека, куда входили справочники и необходимые руководства. Купил молодой врач докторский саквояж, шубу на меху и отправил телеграмму о дне и часе прибытия. Был крайне удивлен, когда

Издание осуществлено за счет средств автора

Багдыков М. Г.

Нахичеванские портреты: Экскурсы, зарисовки. — Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1991. — 96 с.

ISBN—5—7509—0266—8

Выступая перед читателем в качестве популяризатора и мемуариста, автор знакомит нас с прошлым города Нахичевани-на-оДну (Нор Нахичеван) и его уроженцами, оставившими добрый след в памяти живущих, рассказывает о традициях и культуре армянского народа.

ISBN—5—7509—0266—8

© Минас Георгиевич Багдыков. 1991.

От автора

В этой книге я попытался осветить некоторые моменты, связанные с историей переселения армян из Крыма на Донскую землю. Хотелось привлечь внимание читателя к жизни, социальному укладу, культурному развитию аннийской ветви армян, давние столетия назад оторвавшихся от своих корней, обживавших не только Крым, но, волею судьбы, и пустующие земли низовий Дона. Начавших здесь новый отсчет исторической хроники, вместе с народами России переживая все повороты времени и событий, впитывая природу европейской цивилизации и свято сохраняя национальную самобытность — культуру, язык, традиции, обряды.

Образовавшийся сплав, генетически закрепленный, дал удивительный, нахичеванский, тип людей. Им хотел я воздать дань памяти, замышляя эту книгу. Показать гражданский подвиг многих, кто был со своим народом во дни торжеств и бед, их человеческие и высокие устремления.

Мне хотелось вырвать из забвенья сокрытое временем. Живи и помни — вот лейтмотив моего повествования.

Выражаю глубокую благодарность Ф. З. Хачатуряну, И. С. Чардарову, Ю. К. Кечекьяну, Т. А. Ягубянцу, Э. В. Акоповой, Л. Н. Хафафян, Г. Т. Манукьяну за оказанную мне при подготовке рукописи помощь — исторической литературой, неизданными произведениями, архивными документами, устными консультациями и замечаниями и просто добрым дружеским участием.

Не будучи ни историком, ни специалистом-краеведом, я вынужден был обращаться за фактологией к целому ряду литературных источников, авторам* которых искренне признателен за эту, столь необходимую мне услугу.

---

* Е. Шахазиз, О. Х. Халпахчьян, В. Б. Бархударьян, Г. Эмин, С. Швецов, Н. Петухова, Г. И. Панков и др.

ЭТО БЫЛО... БЫЛО... БЫЛО

Время раздирать, и время сшивать;
Время молчать, и время говорить.
(Библия)

...Но в памяти моей такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.
Д. Самойлов

Все имеет свое начало и свою историю: человеческие биографии, памятники культуры и зодчества, творения предков, дошедшие до наших дней. И во всем, на всем черты уникальности, неповторимости оригинала.

Ростов, город, в котором мы живем... Облик его — это не только новостройки, и даже не прежде всего они, а старая часть города, продолжающая прошлое в настоящем. Таково и лицо Пролетарского района — одно-двухэтажные строения с немногочисленными островками многоэтажек. Прежнее имя этой части Ростова — Новый Нахичеван. Сейчас о нем напоминают только названия троллейбусной остановки, переулка да базарной гостиницы.

Город Новый Нахичеван (Нор Нахичеван) основан армянами-переселенцами из Крыма в 1779 г.

14 ноября 1779 г., при посредничестве Потемкина и Ивана Лазаревича Лазарева (Ованес Лазарян), армяне получают указ, подписанный Екатериной II. Начинается он с того, что императрица отвечает согласием на просьбу армян принять их в вечное подданство Российской империи, а также соизволяет она им пользоваться в государстве не только всеми правами и преимуществами, каковыми все подданные... «издревле наслаждаются, но сверх того».

...При настоящем переселении вашем в Азовскую губернию перевезти из Крыма на иждивении нашем все то имущество ваше, которое только перевезено быть может, что из определенной от нас суммы уже и исполнено.

Для удобнейшего поселения вашего отвести в Азовской гу-

бернии особенную от прочих селений округу крепости святого Димитрия Ростовского, как границы оной с Донским войском утверждены, оставляя из нее на крепостной выгон земли три тысячи десятин, да для рыбных ловель тамошним обывателям четвертую часть реки Дона, из того, сколько оной реки в даче той округи состоит, в верх от устья реки Темерника, а в случае недостатка для селений ваших там земли и в округе крепости Азовской, где против тех дач ваших рыбные ловли, всемилостивейше жалуем вечно в пользу и выгоды всего общества без всяких в казну нашу податей...

Архимандриту Петру Маркосову по смерть его Всемилостивейше препоручаю паству всех сих вышедших с ним из Крыма армян и позволяю им строить церкви и колокольни с вольным отправлением во оных по законам их всех церковных иноположений...

По заселению вами особого города при урочище Полуденка с названием Нахичевань и с дачею на выгон оного двенадцати тысяч десятин, повелеваю учредить Магистрат и в нем производить суд и расправу по своим правам и обычаям выбираемыми из вас же по жребию начальниками...

Переселение христиан из Крыма было завершено 18 сентября 1778 года. Суворов рапортовал Румянцеву о выезде в Азовскую губернию 31098 душ «обоего пола», из них: 18407 греков, 12598 армян, 219 грузин, 163 валаха.

Армяне отправились из городов: Каффа (5501 человек), Бахчисарай (1375), Гезлу (2809), Камышлик (1304), Акмачим (259). Они, практически, и составили население г. Новый Нахичеван.

Из деревень Эски и Топту выехали 372 человека, они основали деревню Крым (Топти).

Из деревни Орталин выехало 406 человек, они основали деревню Чалтырь.

Переселенцы из деревень: Сала (224 человека), Камышлик (121), Мелек (72), Джуровсу (40), Бурунчук (57) основали Мец Салы и Султан Салы.

Греки большей частью селились между реками Бердой и Калмиусом, где были основаны города Мариуполь и Мелитополь.

Таким образом армяне связали свою судьбу с Донским краем.

Строительство Нахичевана началось в 1780 г. В центре города разбили квадратную площадь, вокруг расположились здания Магистрата, суда, Городской думы, гостиный двор, магазины. В ноябре 1781-го был утвержден генеральный план

города: сетка из пересекающихся под прямым углом продольных и поперечных улиц-линий.

В 1811 г. был утвержден герб Нахичевана, а также план городской застройки.

19 февраля 1880 г. — день закладки Александровского сада, в преддверии 25-летия восшествия на престол Александра II и 100-летия переселения армян на Дон. В конце XIX в., в ознаменование приезда императора, нахичеванские городские власти приняли решение об установлении колонны-обелиска. Он был сооружен по проекту итальянского скульптора Сильвестра Топетти и сохранен до наших дней как архитектурный памятник.

К 1915 г. в Нахичеване насчитывалось уже 19 улиц: 1 и 2-я Соборные, 1 и 2-я Успенские, 1 и 2-я Георгиевские, 1 и 2-я Федоровские, 1 и 2-я Никольские, 1 и 2-я Софиевские, 1 и 2-я Вознесенские, 1 и 2-я Загородние, 1 и 2-я Степные, Донская, а также 44 линии. Имелось 8 площадей: Екатерининская, Толстого, Базарная, Бульварная, Хлебная, Больничная, Софиевская, Успенская.

На городской площади, в центре которой высится красавец ТЮЗ, охраняемый государством как памятник культуры, размещались в те давние времена и дожили до наших дней здания городской думы, нескольких семинарий, городской больницы. Из семи церквей Нахичевана сохранилась одна, действующая. И уж вовсе мало посетителей на заброшенном армянском кладбище, когда-то поражавшем своим печальным великолепием.

Многие дома старого Нового Нахичевана обветшали, но по-прежнему привлекают взор их фасады с лепными украшениями, вензелями, барельефами, портретными изображениями прежних владельцев. Мраморные таблички на стенах называют тех, кто жил, творил на этой земле для своего города, народа. Чередой проходят имена — революционера-демократа Микаэла Налбандяна, поэта Рафаэла Патканяна, писательницы Мариэтты Шагинян, художников Мартироса Сарьяна и Амаяка Арцатпаняна.

В Нахичеване жили и высоко пронесли через всю свою жизнь гражданскую честь, словом и делом утверждали национальное достоинство создатель первого русско-армянского словаря педагог, просветитель Арутюн Аламдарян, художник Аким Ованесов, актер Г. Б. Тусузов, скрипач Аветик Габриэлян, архитектор Марк Тер-Григорян, видные партийные и государственные деятели Саркис Лукашин и Александр Мясникян, поэт Людвиг Дурян, летчик Герой Советского Союза

Л. Чапчахов. Вспомним также благородные деяния Акюлине Аладжалян, построившей на свои деньги церковь и приют для обездоленных и калек; адвоката Г. Чубарова, актера, меломана, собирателя экзотических и редких растений; прекрасных специалистов — врачебную династию Кечеков (Кечекьянов), врачей Г. Балабанова, Г. Жамгоцева, профессора Э. Кастанояна, Сармакешева, Атояна, М. Чарыхова, Г. Балиева и многих других.

Представление об одном из первых жилищ армянских переселенцев можно составить по описанию «дома Екатеринославской губернии города Нахичевани армянина Сергея Попова», выполненному 12 января 1808 г.

Одноэтажное деревянное строение помещалось на продольной стороне вытянутого Г-образного участка. Планировка, в основном, однорядная, с окнами, ориентированными в просторный двор, занимавший, по-видимому, южную часть усадьбы. Характерна в композиции плана застройки группировка помещений вокруг передних. Кухня, большой зал или гостиная. Рядом — людская, домовая баня с раздевальней, чуланом, моечной, печью для подогрева воды и возвышением для парения; в глубине двора большой сарай и навес.

Более прост возведенный в третьей четверти XIX в. особняк Л. Попова (23-я линия, 18). В компактном плане также выдержан прием расположения комнат вокруг общей передней, но связанной с открытой каменной верандой. Сохранились до сих пор потолочные карнизы и тяги, затейливые розетки, массивные двери с бронзовыми ручками, кафельные печи с фигурными дверцами.

Особняк купца Е. Красильникова (угол 1-й Софиевской улицы и 18-й линии, 6/7) построен в 1888—1889 гг. Он имел высокий цокольный этаж с подвалами и подсобными помещениями, включая большую кухню, комнаты для многочисленной прислуги и домовую прачечную. Из парадных помещений выделялся выходящий на улицу банкетный зал площадью 140 кв. метров, с центральной частью, имевшей хоры и комнаты для артистов. Спальни хозяина с женой, его матери и десяти детей находились в одноэтажном западном и двухэтажном восточном крыльях дома. Банкетный зал украшали тонко прорисованные коринфские пилястры, стилевая резьба по гипсу с меандрами и розетками; в спаренных окнах второго яруса — цветные витражи.

Особняк фабриканта А. Искидарова (площадь Свободы, 12/2) сооружен в 1899—1900 гг., решен в виде двухэтажного корпуса, вытянутого вдоль бульвара. Внизу комнаты для при-

слуги, хозяйственные помещения. С торца парадный вход на второй этаж, где располагались банкетный зал, столовая, кабинет, библиотека и спальня. Стены и потолки комнат сплошь в тонких лепных украшениях; в кабинете под карнизом ленточный фриз, копия египетских барельефов — сцены жатвы, весеннего сева, сборщики податей, мотивы загробного царства. Фрески — сюжеты из античной мифологии; поясной портрет домовладельца. Многие детали позолочены.

Есть детальное описание и особняка Г. Чубарова. Богатую отделку имели парадный зал, кабинет и столовая — с лепными плафонами, расписанными изображениями ангелов и нимф. Изразцовые камины были украшены мраморными колонками и карнизами. К столовой примыкала веранда, выходившая в сад, своего рода дендрарий.

В Новом Нахичевани было семь церквей: Сурб Аствацацин (1781—1787), Сурб Геворк (1783—1787), Сурб Никогос (1781—1783), Сурб Теодорос (1783—1786), Сурб Амбарцум (1781—1783), Сурб Григор Лусаворич (1783—1807), Сурб Карапет (1875—1881). Шесть из перечисленных были приходские, одна — кладбищенская.

Русские мастера возвели в Нахичевани великолепную церковь, носившую имя Александра Невского.

Особое место занимала церковь Григора Лусаворича (Григория Просветителя), построенная на средства набожных горожан и иностранных сородичей. Строительство храма продолжалось 24 года, с 1783 по 1807-й. Автор сооружения — русский архитектор И. Е. Старов — известен своими постройками в центре России, на Украине и в южных городах страны. Это был кафедральный собор, резиденция главы епархии. Стиль церкви — русско-византийский, стены снаружи и изнутри украшены хачкарами, привезенными из Крыма. Имелось три двери — западная, южная и северная, в каждой из которых тоже стояли хачкары, датированные 900—1415 гг. Крыша и купола колокольни — позолоченные и крашеные, с высокими позолоченными крестами.

Перед церковью Св. Просветителя возвышался роскошный памятник Екатерине II с надписью на постаменте: «Императрице Екатерине Второй благодарные армяне».

Церковь Карапета (ныне существующая кладбищенская) основана в 1875 г. и освящена в 1881-м. Построена по проекту архитектора Сазонова на средства Акюлине Погосовны Аладжалян (Аладжаловой). Прах основательницы церкви покоится снаружи церкви, у юго-западной стены. Надгробный камень выполнен из мрамора, в форме армянского клобука с армян-

скими украшениями и скульптурой. Золотыми буквами высечено: «Здесь покоится прах благородной госпожи Акюлине Погосовны Аладжалян, урожденной Хатраян, скончавшейся 3 сентября 1871 года в возрасте 62 лет». На территории кладбища, также на средства покойной Акюлине, были построены приют для нищих и духовный дом, богадельня «Армянского духовного попечительства».

Нахичеванцы всегда с благодарностью вспоминали и чтили память высоконравственного человека, христианина, купца. торговца фарфором, выходца из Персии, проживавшего в Индии (г. Калькутта) — Масеха Бабаджана, или Мартироса. В 1794 году, узнав о судьбе армян, переселившихся из Крыма на необжитую Донскую землю, он составил 30 мая завещание, по которому, после его смерти, все доходы от принадлежащего ему каменного двуэтажного дома регулярно должны были поступать в город Нор Нахичеван.

В 1889 году в Нахичеване было основано «Попечительство армянской церкви о бедных армянах», куда и был переведен индийский капитал Масеха Бабаджана, в сумме 60 тысяч рупий. Завещание действительно и по настоящий день. Доходы от дома регулярно переводятся в адрес армянской церкви в Эчмиадзине.

Монастырь Сурб Хач (Святой Крест) был построен на возвышении, в толще земли под которой текут студеные воды родника. Монастырь вместе с церковью основан в 1783 г. Архиерей Иосиф вел строительство до 1786 г. и завершил, и освятил в 1792-м.

Самой почетной святыней в монастыре, послужившей основой для его строительства и наречения, считался большой древний хачкар.

В пределах монастырской территории находится родник, известный под именем Сахлых су. Считается, что его вода священна, а потому снимает боли, исцеляет недуги. Отсюда название родника — Сахлых су, исцеляющая, или лечебная.

Имена в истории Нахичевана

Микаэл Налбандян — крупнейший представитель армянской революционно-демократической мысли, один из видных деятелей общероссийского освободительного движения, единомышленник и соратник русских революционеров, принимав-

ший вместе с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым активное участие в разработке ряда документов революционно-демократического движения в России.

Габриэл Патканян — один из просвещеннейших людей своего времени. Просветитель, гуманист, патриот. По словам сына, поэта Рафаэла (Рапаэла) Патканяна, отец в течение тридцати лет был для Нового Нахичевана как бы нравственным солнцем, распространявшим вокруг себя «свет и истину».

Арутюн Аламдарян — педагог, поэт, драматург, врач, общественный деятель. В 1819 г. постригся в священники. В 1832-м переезжает в Нахичеван, в 1834 г. убит злоумышленниками.

Султан-Шах Анания (1832—1892) — врач, писатель, общественный деятель. Близкий друг М. Налбандяна.

Балабанов Минас — купец 2-й гильдии, почетный гражданин г. Нахичеван. Учился в Лазаревском институте и на юридическом факультете университета.

Шахазиз Ерванд (1856—1951) — закончил академию в Москве. В Нахичеване преподавал латынь, грабар и в духовной семинарии армянскую литературу. В 1917—1922 гг. руководил армянским окружным музеем Нахичевана и Ростова. В 1922 г. переехал в Ереван, заведовал литературно-историческим отделом центрального музея Армении. В 1944 г. получил звание доктора филологических наук, в 1946-м — звание заслуженного деятеля наук.

Агаприян Григор — епископ. В 1875—1886 гг. занимал должность инспектора духовной школы г. Нахичевана. В 1891—1894 гг. был председателем Нахичеванско-бессарабской епархии.

Агаджанян Степан (1863—1940) — художник. Преподавал живопись в гимназии. Занимался организацией выставок армянских и русских художников.

Арцатпанян Амаяк (1876—1920) — художник, наставник и друг Мартироса Сарьяна.

Беделян Оваким (1874—1940) — биолог, образование получил в духовной семинарии Нахичевана, а затем Москвы, учился в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Работал в Петербургской, Мюнхенской, Парижской, Берлинской, Копенгагенской академиях. В 1904 г. в Париже защитил докторскую диссертацию. В 1905 г. работал в Ялтинском ботаническом саду. С 1923 г. заведовал кафедрой анатомии растений в Ереванском университете.

Ачарян Рачия (1876—1953) — член Парижской лингвистической Академии, член-корреспондент Чехословацкого востоковедческого института. Кроме армянского и турецкого, свободно

владел греческим, еврейским языками. Учился в Сорбонне, Страсбурге. Занимался армянской филологией, фольклороведением. Умер в 1953 г. в Ереване. Его именем назван Институт армянского языка.

Арутюнов Серафим — закончил Московский университет, юридический факультет. Секретарь Нахичеванской городской управы, с 1891 г. выпускал в Ростове ежедневную газету «Приазовский край».

Берберов Минас — банкир, юрист, кандидат прав. С 1899 г. выпускал одну из ростовских газет. В декабре 1905 г. систематически публиковал запрещенные цензурой материалы; как редактору газеты ему пришлось бежать из Ростова.

Малхасьян Ованес (1866—1931) — получил образование в Эчмиадзине, в Георгиевской академии. Занимался собиранием армянского народного фольклора, перевел на армянский язык произведения Пушкина, Лермонтова. Был близок с Л. Н. Толстым, поддерживал с ним постоянную переписку, в 1909 г. гостил у него в Ясной Поляне.

Кечек Амбарцум (1872—1948) — педагог, хирург. В 1920 г. защитил докторскую диссертацию. С 1925 г. — профессор, заслуженный деятель наук.

Кечекьян Степан (1890—1967). Окончил юридический факультет Московского университета. В 1940 г. защитил докторскую диссертацию. С 1942 г. — зав. кафедрой Московского университета. С 1946 по 1954 г. — действительный член Академии общественных наук.

Тигранян Саркис — окончил Лазаревский институт восточных языков. Был дружен с Белинским, Лермонтовым.

Хадамян Арутюн — драматург, один из организаторов и руководителей армянского театра Г. Чубарова.

Чарыхов Галуст — за острый ум и великолепную память был принят и бесплатно обучался в Москве, в Лазаревском институте. Считался лучшим знатоком латинского языка в Москве.

Чорекян Геворк. Старожилы Нахичевана помнят бедную семью ремесленника-лудильщика Чорекяна, который ходил по улицам, предлагая свои услуги домохозяйкам. Имел он умного, одаренного, наделенного в том числе музыкальными способностями, сына Геворка, на незаурядность которого обратило внимание Армянское благотворительное общество. И вот настал день, когда было принято решение послать его учиться в Эчмиадзин в духовную семинарию. Оплату за учебу взял на себя купец 1-й гильдии меценат М. Попов. Блестяще закончив духовную семинарию, юноша по направлению поехал в Италию,

где в Венеции обучался по классу композиции. После завершения учебы был вынужден вернуться в Нахичеван и работал в качестве регента в кафедральном соборе Сурб Лусаворич. Должность эта, по уровню, была гораздо ниже полученного им образования. Некоторое время спустя Геворк занял должность председателя духовного правления. В 1946—1954 гг. — католикос всех армян.

Чубар Григор родился в 1864 г. Присяжный поверенный. Председатель общества любителей драматического профессионального театра в Нахичеване.

Чубар Гукас — народный художник Армянской ССР. В 20-х годах переехал в Армению.

Чеботарян Гаянэ — композитор, музыковед, пианистка. В 1943 г. окончила Ленинградскую консерваторию и переехала в Ереван. Изучала и исследовала армянский музыкальный фольклор.

Мартирос Сарьян. В армянской живописи он был первым художником нового времени и прозвучал на весь мир, твердо и прочно вынося Армению на всемирную карту искусства — так писал о нем Георг Эмин. Солнце Сарьяна грело нас и сияло, но не ослепляло. Не будь даже других, достаточно одного Сарьяна, чтобы сделать современное искусство всемирно известным. Максимилиан Волошин в своих «Ликах творчества» пишет, что обстоятельства жизни Сарьяна вполне объясняют его искусство. Он родился 16 февраля 1880 г. в патриархальной армянской семье Нахичевани-на-Дону, на северной окраине тех же Приазовских степей, которые дали русскому искусству Куинджи и других самобытных художников.

Отец Сарьяна занимался земледелием. Детство мальчика прошло в небольшом степном имении, верстах в 15 от города. В городе семья жила только в зимние месяцы. Хутор лежал у подножия горы, довольно высокой, покрытой садами и лугами, на берегу реки, заросшей камышом. По другую сторону расстилалась степь с мельницами, курганами, синими далями.

Семи лет Сарьян научился грамоте, а к пятнадцати окончил городское училище. Школа и город, как водится, были «раздражителями» мечты. Рисовать Мартирос начал в городском училище, где его не стесняли ни выбором тем, ни указаниями. По окончании этого краткого образования его определили в городское агентство по приему подписки на различные периодические издания. Там он занимался больше зарисовками с посетителей. Один, неприятный, случай повлиял на решение судьбы: случилось юному художнику удачно зарисовать старика-рабочего, служившего при конторе. Тот вскоре заболел

и объяснил свою болезнь портретом, требовал и умолял разорвать рисунок... Мальчику пришлось уничтожить набросок. Ему запретили рисовать, но это же заставило старшего брата обратить внимание на его страсть к рисованию. «По совету питомца Лазаревского института Амбарданова было решено послать меня, — писал Сарьян в своих воспоминаниях, — в Москву учиться живописи. В этом деле мне оказал большую помощь студент Московского университета, впоследствии известный хирург Амбарцум Кечек. Он посоветовал мне пройти предварительную подготовку у нашего земляка Амаяка Арцатпаняна, который тогда был студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества».

Судьба Амаяка Арцатпаняна сложилась трагично. При отступлении деникинцев из Ростова белый офицер ворвался в дом, где жил Амаяк, и убил его на глазах всего семейства.

Мартироса Сергеевича потрясло это известие, тем более, рассказывают старожилы, что накануне, буквально за час или за два до несчастья, он находился в доме у друга.

Сарьян всегда помнил творчество Амаяка и периодически устраивал выставки его произведений в Ереване и Ростове-на-Дону, которым всегда предшествовала статья, им написанная.

Цифры, факты

Население Нахичевана: 1811 г. — 4 тыс., 1840 — 10821, 1862 — 15231, 1886 — 17610, 1887 — 28217, 1905 — 30339, 1914-й — 49523 жителя.

Благоустройство улиц: до 1850 г. — древесное покрытие и кирпич, после 1850 г. — мощеные камнем, в 1887 г. проложены рельсовые пути, по которым ходили запряженные лошадьми конки-вагоны. Освещение: конец 50-х годов — спиртовыми лампами, 60-е — керосиновые фонари, в 70-х некоторые улицы освещаются газом; в 1896 г. появилось электрическое освещение. 1883 г. — начало строительства водопровода.

Первые учебные заведения в г. Новый Нахичеван

Первая монастырская школа открыта в Сурб Хаче (1780 г.).

Первая школа в Новом Нахичеване, преобразованная затем в духовную (1783—1791).

Уездное училище (1850).

Женская школа А. А. Поповой (1880).

Ремесленное училище, открыто к 100-летию основания г. Нахичевана.

Женская начальная школа Мариам Сармакешевой (1890).

Духовная школа г. Нахичевана, превращенная впоследствии в училище (1875), а затем в семинарию (1881).

Частные учебные заведения г. Нахичевана (1880—1918 гг.)

Адрес (старое название)	Название	Учредитель (если известен)
1-я Соборная ул., 9	Подготовительное училище	Е. Елисеева-Безджян
1-я Соборная, 15	Частное училище	М. Сармакешева
1-я Соборная, 22	Частная мужская гимназия	Бабиева
2-я Соборная, 27 (Ереванская)	Школа грамоты	В. Чубаров
2-я Соборная, 41	8-е мужское училище имени Жуковского	
1-я Георгиевская	3-е мужское училище (Михайловское)	
2-я Георгиевская (Комсомольская)	Художественная ремесленная учебная мастерская	М. Попов
1-я Федоровская, 50	Послеобеденное женское училище	
1-я Федоровская, 52	Городское училище	
1-я Федоровская, 26	Музыкальная школа	Я. Вульфман
2-я Федоровская, 8	Послеобеденное училище 18 февраля	
2-я Федоровская, 20	Церковноприходская школа церкви Сурб Теодорос	
2-я Вознесенская, 32	Училище имени графа Л. Толстого	
Базарная площадь, 1	Духовная семинария Воскресная женская школа	

Адрес (старое название)	Название	Учредитель (если известен)
Базарная площадь, 7	Женское Ольгинское училище	
	Георгиевское начальное училище	
	Послеобеденное мужское училище	
Бульварная пл.	Женская гимназия	
Бульварная пл., 5	Городское начальное мужское Александровское училище	
25-я линия, 3	Высшее начальное училище	
27-я линия, 4	Училище Сурб Рипсиме	
28-я линия, 3	Гоголевская школа	

Преподавание в школах и других учебных заведениях велось на высоком профессиональном уровне. Пример — художественно-ремесленные мастерские, основанные в 1905 г. на средства, завещанные городским купцом М. В. Поповым (исследование-описание краеведа Н. Петуховой). Программа обучения здесь была рассчитана на 4 года. После окончания курса учащимся предписывалось отработать 3 года подмастерьями на фабрике или в частной мастерской, только после этого выдавался диплом. Преподавание разрешалось лишь лицам, имевшим диплом об окончании курса художественно-промышленного училища. Заведующий мастерской, он же преподаватель истории орнамента, художник Надлер ездил, к тому же, в Германию, Францию, Англию и Швейцарию — для ознакомления с системой преподавания в учебных заведениях подобного типа. Был автором учебника «Азбука орнамента», изданного в Петербурге в 1910 г.

В учебную программу художественных мастерских входили общеобразовательные и специальные дисциплины; в число общеобразовательных — закон божий, русский и армянский язык, арифметика, геометрия, география. Специальные предметы — металлургия, черчение, рисование, лепка, композиция, история орнамента.

В школе было 6 отделений: монтировочное, ювелирное, граверное, чеканки, эмали и эмалевой живописи. В монтиро-

вочном изготавливались предметы быта: подстаканники, вазы, сахарницы, портсигары, ларцы. В ювелирном мастерили цепочки, медальоны, другие украшения. Остальные отделения занимались дальнейшим художественным процессом.

Этой школе принадлежит большая роль в развитии национальных традиций, сближении и взаимообогащении культур армянского и русского народов.

Цифры, факты

1864 г. — основан армянский клуб; местоположение — Екатерининская площадь.

1868 г. — создано Армянское благотворительное общество, его целью являлась финансовая помощь одаренным детям в получении образования по способностям. На средства общества содержалась монастырская школа в Сурб Хаче.

В 1870 г. была создана в Новом Нахичеване театральная группа; постановка пьес осуществлялась на армянском языке. Репертуар — произведения армянских драматургов и мировая классика.

1907 г. — открылся музей армянской культуры.

Мариинская больница

В 1867 г. на средства города была открыта больница на 15 мест. На это благородное дело купец 1-й гильдии М. Попов пожертвовал собственный дом на углу 25-й линии и 2-й Успенской и взял обязательство содержать за свой счет в год две койки. Помещение больницы состояло из 6 комнат, в трех небольших комнатушках помещалось 12 кроватей.

В 1888 г. произошло на железной дороге крушение царского поезда. После этого события власти Нахичевана решили построить больницу и назвать ее Мариинской, в честь императрицы Марии Федоровны. Торжественное открытие состоялось 8 июля 1892 г. Расположена была больница по 1-й Степной, 13.

Одноэтажное здание состояло из трех корпусов, соединенных между собой коридорами. Два крайние корпуса предназна-

чались для мужского и женского отделений, в среднем размещалась администрация.

Сначала больница была рассчитана на 50 пациентов. Однако спустя год возникла необходимость выделения дополнительных площадей — для содержания и лечения инфекционных больных, а также в связи с увеличением штата служащих. Городская дума постановила: не строить специального здания, а разместить инфекционное отделение в расположенном во дворе каменном доме, где находились квартиры медперсонала. Были оборудованы 4 палаты, их, как скоро показало время, оказалось явно недостаточно; к тому же, и сами палаты, и здание не отвечали требованиям содержания и лечения инфекционных больных.

В 1898 г. на территории больницы началось строительство каменного одноэтажного корпуса — инфекционного специализированного отделения. Позже, после осмотра его, уже вступившего в строй, областной врачебный инспектор Солнцев писал: «С особым удовольствием осматривал я... заразное отделение, в котором могут быть размещены совершенно отдельные больные по нескольким родам болезней».

Серьезными трудностями обернулось загородное расположение инфекционной больницы — ни благоустроенных подъездных путей, ни соответствующего освещения. Потому амбулаторный прием больных начинался с половины одиннадцатого и продолжался всего до часу дня. В 1903 г., когда Бельгийское акционерное общество ввело в строй вторую очередь трамвайных путей, положение резко изменилось.

Что касается средств на содержание и лечение стационарных больных, то первоначальная сумма (13350 руб.), собранная в 1894 г., уже не обеспечивала потребностей. Тогда Нахичеванская городская дума приняла решение (апрель 1896 г.) ввести больничный сбор, в размере 1 рубль с человека в год, на содержание Мариинской больницы. После оплаты больничного взноса плательщику выдавался больничный билет. Приобретенный лишь после поступления пациента в больницу, он признавался недействительным, и человек терял право на бесплатное лечение. Постановление, действительно, было крайне неудобным, так как в экстремальных ситуациях билет зачастую забывали дома. А то и попросту теряли.

Кстати, одна авторская история.

Произошла она с моим дедушкой, Минасом Артемьевичем, и я знаю о ней из рассказов в нашей семье.

Возвратившись ночью из коммерческого клуба, дедушка почувствовал резкую боль в животе, потерял сознание. Ущеми-

лась паховая грыжа. Обычно он легко с ней справлялся, но на этот раз ему не удалось ее вправить. Было далеко за полночь, за окнами рождественский мороз, снег, темные, неосвещенные улицы. В доме — перепуганная многодетная семья. На пролетке Минас Артемьевич был доставлен в Мариинскую больницу. Принял его дежурный фельдшер, а извозчика послали за доктором Кечеком, старым другом моего дедушки. Осмотрев его, уже ближе к трем часам ночи, он сказал: «Знаешь, Минас, а тебя следует оперировать немедленно. Где твой больничный билет?» Его-то и не оказалось в руках больного, в спешке забыл дома. По положению, госпитализировать в больницу было нельзя. За друга вступился доктор Кечек, поручился «честным словом». Операция прошла успешно. До конца своих дней моя бабушка вспоминала, как добрый друг, доктор Кечек, спас ей мужа, пятерым детям — отца, и до какой степени был нелепым приказ не госпитализировать в стационар больных без больничного билета.

Введение больничного сбора увеличило приток посетителей в больницу. Городской голова М. И. Балабанов свидетельствовал: «Нахичевань, как и вплотную примыкающий к нему город Ростов, окружен рядом сел, деревень и станиц, где совершенно нет никаких больниц, и жители этих населенных пунктов, поставленные в известность о существовании в городе Нахичеване и Ростове хорошо оборудованной больницы, специально приезжают в город, где немедленно выбирают больничные билеты и с ними отправляются в больницу».

Однако эта система лишь незначительно покрывала расходы города на содержание больных и больницы. А они в 1909 г. составляли 47390 руб. (сумма сбора 5163), в 1911 г., соответственно, 61164 и 10817 руб.

Наиболее обеспеченные слои не прибегали к покупке больничных билетов, а пользовались услугами частных врачей, имевших право на госпитализацию курируемых ими больных. Остальная часть подлежала больничному сбору.

Весьма «остроумно» был решен вопрос с рабочими фабрик, заводов и железной дороги. Постановлением городской думы от 31 августа 1902 г. больничный налог с них отменялся, за стационарное их лечение решено было взимать плату с владельца фабрик и заводов в размере 1 рубля в сутки. Это постановление, судя по заявлению заводчика Дутикова, вызвало большое недовольство со стороны промышленников: «Хотя по постановлению Нахичеванской городской думы больница и вправе требовать с лиц, имеющих заводы и фабрики в Нахичеване, за лечение рабочих по одному рублю в сутки, но

только в том случае, если завод или фабрика будут просить больницу принять рабочего для лечения, но раз рабочий явился в больницу сам, то заводовладелец не обязан платить за его лечение».

С некоторых горожан, ввиду их несостоятельности, плата за лечение в больнице также не взималась...

При Мариинской больнице были организованы курсы с целью ознакомления с признаками холеры, способами первоначальной помощи, уходом за больными и производством дезинфекции.

Улучшалась техническая оснащенность больницы: пароводяное отопление, вентиляция, горячее водоснабжение, электрификация. В 1904 г. на средства М. В. Попова, выделившего 30 тыс. руб., был построен одноэтажный каменный павильон, предназначенный для детского отделения. В том же году городской думой было принято решение о строительстве специального здания для родильного отделения.

Штат Мариинской больницы к 1904 г. составляли: старший врач, два доктора, 4 ординатора и немногочисленный обслуживающий персонал. К 1907 г. больница имела: главный корпус, детское отделение (имени Попова) в отдельном здании, где также размещались амбулатория, аптека и служебные помещения для кухни и прачечной.

О торговле

В 80—90-х годах в городе велась бойкая торговля, процветало ремесленничество.

Торговали зерном, сеном, лесом, углем табаком, вином, золотыми изделиями, бутовым камнем, мануфактурой, шерстяными изделиями. Было множество магазинов — мясные, молочные, хлебобулочные, бакалейные, галантерейные...

Работали мастерские по ремонту часов и обуви, фотографические, столярные, иконописные, кузнечные, по изготовлению художественных металлоизделий.

И. Шапошников и С. Генч-Оглуев имели свою торговую школу, подростки обучались коммерческому делу в пансионатах и впоследствии становились высококвалифицированными специалистами, основывая фирменные магазины-галантереи не только в Нахичеване, но и Ростове, Харькове, Москве, других городах России.

Особое слово о торговом доме «С. Генч-Оглуев и Шапош-

ников». Основано сообщество было в 1875 г. и явочным порядком выразилось в регистрации договора между «товарищами» в городской управе. В 1899 г. С. Генч-Оглуев умер, и его преемниками стали сыновья Христофор и Федор. К 1910 г. число полноправных членов фирмы составляло 4 человека: братья Генч-Оглуевы, Иван Шапошников и его сын. Решение основных вопросов ничем не регламентированной деятельности вырабатывалось, как правило, на совещании владельцев или их доверенных лиц. Непосредственным владельцам подчинялся рабочий аппарат предприятия. Операции торгового дома сосредоточивались исключительно на оптовой торговле галантерейными, парфюмерными, кружевными, модноотделочными товарами. Имелось также несколько специализированных отделов: павловских кожтоваров, тульских гармоней. Главная контора фирмы располагалась по ул. Б. Садовой (ныне ул. Энгельса). Район коммерческой деятельности фирмы охватывал Область войска Донского, Кубанскую, Терскую, Ставропольскую, южную часть Воронежской и Таврической губернии.

Торговый дом «С. Н. Кистов с С-ми» был основан в январе 1897 г. Дела дома, кроме Нахичевана, были развернуты в Ростове, Царицыне, Урюпинске, Азове. Фирме принадлежали различные предприятия, в том числе лесопильный и известковый заводы, ящичная и бричная фабрики, лесная торговля в Нахичеване и Царицыне, бакалейная и колониальная торговля в Ростове, Урюпинске и т. д.

Обычаи, нравы

Армянское поселение на территории земли Войска Донского имело свои обычаи, свой уклад, традиции, передающиеся из рода в род, из века в век.

Все главное в человеческой жизни начинается с создания семьи. Это — событие особого смысла, своего рода таинство, знак нового долгого жизненного пути.

Свадьбы в Новом Нахичеване начинались обычно осенью и продолжались до Великого поста.

Выбор невесты и жениха зачастую проводился родственниками парня или девушки. Существовало в те давние годы правило: вознамерившийся жениться молодой горожанин засылал в семью приглянувшейся девушки сватов («хнами»), желая заранее знать, сколько денег и какое приданое готовы дать за невестой.

Когда обе стороны приходили к согласию, жених, пригласив с собой близких родственников, отправлялся в дом девушки делать предложение («хоск»). Дальше следовала помолвка («шпантук»), когда невесте вручалось обручальное кольцо. Это — один из моментов «беха» (залог, гарантия). Наиболее значительная и торжественная минута «беха» наступает с приходом свойственников — «хнами». Им отводят почетные места, угощают, в их честь играют музыканты.

Обряд венчания в городе совершался утром и вечером, в деревне — только утром. Венчанию предшествовал «арспар» (забирают невесту), основной из ритуалов свадьбы. Новобрачных после венчания встречала на пороге свадебного дома мать жениха, в накинутой на голову вуали, целовала и благословляла молодых. Им на головы просыпали деньги, в смеси с рисом; курили фимиам и выпускали в воздух пару белых голубей с повязанными на шеях красными лентами.

Музыка на свадьбе у нахичеванцев — европейский оркестр и армянский ансамбль, который они называют «давул-зурна». Были, да и остались, оркестры из бубна, скрипки, кларнета, контрабаса.

Праздники и праздничная кухня

31 декабря, в канун Нового года, хозяйка дома («янка») целый день занята подготовкой стола. На нем обязательно должен быть «каханд» — мед с жареными орехами. Печется большой круглый хлеб — «тари», из 12 частей-веток, по числу месяцев в году. В одну из частей закладывается монета. Кому она достанется, у того будет год удачным, исполнятся все желания.

«Гата» — булочка с начинкой из меда и ореха. «Самса» — треугольный пирожок, начиненный луком и изюмом.

На сочельник хозяйки готовят «кубати», изделия из 40 очень тонких листов теста, смазанных маслом, между ними укладывается рыба с луком.

Ранней весной, когда с полей только сходит снег, принято было собирать и готовить «банджар» — молодую лебеду. Банджар жарят, начиняют ею пирог; едят и сырой, предварительно ошкурив. Солят, готовя к хранению на зиму «шутан» (лилию), а «пентрин» (чебрец) измельчают и хранят как приправу к пельменям, любимому лакомству нахичеванских армян.

Ставили на весенний стол и различные постные супы, приготовленные на грибной юшке, «сисери-тон» — горох, жаренный на подсолнечном или горчичном масле, картофель, накатанный на муке и жареный, маслины, вареную тертую и остуженную фасоль с жареными орехами, сухофрукты, халву и сладкие «сараяли» (слоенки).

К пасхе особенно тщательно убирались комнаты, пекли «псатир», пасхальный хлеб — паску, красили яйца. «Псатир» — это печенье, изготовленное из скоромного сладкого теста, по форме — образец Христова венка: в народе исказили буквальный перевод «псак тир» (одевание венка), а говорили «псатир».

У церквей и монастырей раздавали «матах» — жертвенное мясо.

В последующее за Пасхой зеленое воскресенье горожане выезжали в степь на прогулку, в овраги, нареченные «Аксайдере» (Аксайская балка), собирали чебрец.

Нахичеванцы издавна гурманы, у них особый вкус к еде, напиткам, к выбору кушаний, пристрастие к мучному и жирным блюдам.

Меню нахичеванца: хац-талак — хлеб, увлажненный в молоке и затем жаренный с яйцом, «мис-тапак» — жареное мясо, «порлиц» — ягненок, набитый рисом и испеченный в печи, «цол-цул» — слоеное мучное изделие, начиненное жаренным на постном масле тестом, особо сложенное и сплетенное, «клоракапур» — суп с кружками мяса, «крткртыпур» — суп с жареными и с высушенными кусочками теста, «апухт» — готовится из филейной части, лопаток и языка овец. Куски, подлежащие копчению, моют, очищают, солят, посыпают чесноком и тмином и вывешивают сушиться на воздухе.

Всегда обильный стол — именинный. Он накрывается в честь каждого из домочадцев. Обращение к «виновнику» торжества начинается словами: «Поздравляем с большим днем!»

Армяне-переселенцы сохранили многие поверья и приметы, уходящие корнями в давнюю историю, зародившиеся на земле предков.

В понедельник, к примеру, не следует предпринимать никаких новых дел и мероприятий, а также отправляться в путь.

Вторник — добрый день, но не следует затевать стирку.

Среда — недобрая, в этот день удается всякое колдовство.

В четверг — все затеваемые дела заканчиваются успехом.

Пятница — «лихая», ибо это день мучения Христа.

В субботу не следует начинать новое дело, оно может затянуться надолго.

Нехорошо жениться в високосный год — будут супруги несчастливы, жить не в любви и согласии, их может разлучить смерть.

Когда по улице проносят покойника, в доме все должны стоять, спящих не должно быть, их надо разбудить или поднять с постели.

На роженицу следует положить военный меч, чтобы ей легче было родить.

На какой дом сядет сова и закричит, жди смерти домочадца.

Кто грызет ногти, тот заболеет туберкулезом.

На пороге за руку не здороваются — приятели становятся врагами, ссорятся.

Нахичеванские старухи были мастерицы лечить различные заболевания, заговаривать недуги и боли. Им верили, к ним обращались.

А еще проживал в Новом Нахичеване, с тех пор прошла уже добрая сотня лет, юродивый Ципляков — «особая личность» в городе. Опрятно одет, остроумен. Обладал незаурядной памятью, знал вся и всех. И все знали его.

В доме родился ребенок — первым у дверей появлялся Ципляков, со словами: «Ачка лус!» — «Свет в твоих глазах!» В день рождения главы семейства самым ранним гостем был опять же Ципляков. В обоих случаях ему, первому, благодарность и хороший подарок. Если традиционного гостя не принимали или не оказывали должного внимания, быть беде: в адрес неучтивого хозяина обрушивался поток острых и язвительнейших высказываний.

Свадьбу начинал и был ведущим церемонии Ципляков. Трогать и здесь его не следовало, испортит торжество. Не успеет человек навсегда закрыть глаза, отойти в мир иной, как у покойника уже стоит Ципляков, плачет, творит молитву, обмывает и одевает покойного. В похоронной процессии он непременно шел впереди, с мрачным лицом, регулируя соблюдение порядка.

Его жалели и не обижали, скорее, любили. Горожане были «благодарны судьбе», что у них есть такая, своя «достопримечательность».

Но сколько и других имен знает земля Нового Нахичевана! Повесть о незаурядных, неординарных личностях можно продолжать очень долго...

НАХИЧЕВАНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Почитай врача честью
по надобности в нем,
ибо Господь создал его.
(Библия)

Слово о докторе

Особое место в Новом Нахичеване занимала прослойка врачей. Они всегда находились рядом с народом, делили его беды. Жизнь простых трудовых людей была им хорошо известна и понятна во всех ее проявлениях.

Молодые люди, выбравшие своим поприщем медицину, уезжали в Москву, Ленинград, Харьков, в Германию, Францию — получали высокопрофессиональное образование. Зачастую они были родом из бедных, несостоятельных семей, с детских лет встречались с трудностями бытия и с самым страшным из зол человеческих — болезнью. Выбор специальности редко бывал случайным.

В Нахичеване существовала традиция — малообеспеченных юношей, зарекомендовавших себя во время учебы в гимназии, армянская община посылала обучаться на свои средства врачебному делу с условием обязательного возвращения в родной город. Быть ординатором стационара Нахичеванской больницы являлось и делом особой чести, и привилегией, которой удостаивался не каждый окончивший вуз. Следовало еще пройти собеседование со старшими коллегами.

Широкое распространение получила в Нахичеване частная практика, прием больных у себя дома, вызов частного врача на дом и т. д. Весь город как бы поделен на сферы влияния, при этом формировался истинно семейный доктор. Учитывалось все: где он живет, к какому церковному приходу относится, городской или сельский он житель, даже то, из какой деревни. Существовала целая гамма признаков, по которым определялась главная составляющая доверия к врачу.

Задачей последнего являлось ежечасно, ежедневно работать на свой авторитет, поддерживать его, высоко нести профессиональную честь, не подорвать веру больных конкретно в него, каких бы трудов, сил и стараний это ни стоило. Так, если больной не выздоравливал и лечащий врач оказывался в трудном положении, созывался консилиум на дому больного. Подбирал его состав сам врач или советовал родственникам, кого следует пригласить, и при этом нес за состав консилиума моральную ответственность. Обсуждалось и поведение врачей на консилиуме, их доброжелательность, степень готовности помочь своему коллеге в трудном случае. Позволивший себе формальное присутствие терял доверие, о таком обычно говорили, что он нехороший человек, что его больше интересовали комнаты, мебель, вещи больного, чем сам больной. Долго такую позорную характеристику приходилось смывать со своего имени.

Мне довелось встречаться со старыми врачами на исходе их жизни. С каким-то особым вниманием и интересом они относились к молодой врачебной поросли, им не безразлично было: какое оно, новое поколение медиков? Каков их нравственный мир, какие мысли, идеи носут с собой? Вспоминали свои юные годы и начало врачебной деятельности, о методах повышения деловой квалификации. Времена были другие, другой социальный мир, но человек, больной человек, всегда оставался самым главным, самым важным. Многое из услышанного от них являлось для меня поучительным.

Учеба в медицинском институте практически всегда была делом трудным, изнурительным, а тогда, зачастую, и жизнь впроголодь. Приходилось подрабатывать репетиторством. Зато когда студент заканчивал вуз и становился врачом, все резко менялось. Старый доктор как-то рассказывал, как к нему, только что сдавшему выпускные экзамены, подошел совершенно незнакомый человек, сказал, что является представителем врачей донского края, предложил работать в районной больнице, сделал еще ряд заманчивых предложений, связанных с перспективой. Получив согласие, достал триста золотых, отдал их без расписки и просил дать телеграмму о сроке приезда в районную больницу. На эти деньги доктор поехал в Германию, где за определенную плату прослушал курс лекций и получил необходимые для начинающего специалиста навыки работы с больными. Ему была вручена целая библиотека, куда входили справочники и необходимые руководства. Купил молодой врач докторский саквояж, шубу на меху и отправил телеграмму о дне и часе прибытия. Был крайне удивлен, когда

на станции его ожидала тройка запряженных лошадей с кучером. Коллектив больницы ждал приезда доктора, в выделенном ему для жилья помещении уже была растоплена печь. Он получал жалованье, которое обеспечило ему возможность через год вновь поехать, уже за свой счет, в Германию и прослушать новый курс лекций, освоить нужные ему манипуляции.

Отношение врача к своему долгу, повторяю, было святым.

Как-то стоял я у дома, где жил и провел детство, юношеские годы известный революционер и государственный деятель Мясников, и читал надпись: «В этом доме (д. № 10 по 19-й линии. — **М. Б.**) в 1886 г. родился видный деятель Коммунистической партии и Советского государства Александр Федорович Мясников (Мясникян)». Да, дома переживают людей — и каких! Неожиданно подле меня остановился пожилой незнакомец. «А что вас заинтересовало в этом доме, молодой человек?» — обратился он ко мне. «Удивляет несправедливость. Дома остаются, а людей нет, уходят из жизни и, порой, в молодые годы. Удивительная несправедливость!»

Разделив мой точку зрения, незнакомец обратил мое внимание на дом, что стоит выше: «Знаете, и там жил хороший человек, сколько он сделал доброго, сколько спас жизней, дал счастье семьям! А о нем никто не знает, забыт, да и только». И поведал мне свои детские впечатления о докторе.

Передо мной возник образ старого, скромного, утомленного и, возможно, больного человека, который до конца своих дней был верен клятве Гиппократа.

Поведал мне рассказчик трогательную историю — как мальчишки-озорники оберегали покой доктора. Ватагой они проносились по улице, творя излюбленную шалость — замазывали звонки на парадных дверях пластилином — и только мимо дома доктора проходили тихо, не тронув звонка. Шумели, играли в гайданы, но только намного выше или ниже дома доктора. Откуда такое бережное отношение у ребят к старому врачу? По-видимому, шло оно от его милосердия и безотказности в помощи людям. И, как самый чувствительный камертон, душа ребенка отвечала вниманием к этому человеку.

В любое время ночи, только стоило позвонить в его дом, доктор уже открывал парадное и, обувая калоши, спрашивал: «Ты чей?» Адрес он уже знал сам.

Осмотрев больного, обязательно интересовался, имеются ли деньги на лекарство. Если возникала заминка, рецепт и деньги лежали на столе. В многодетных семьях много и часто болели, особенно дети, а с деньгами было не густо. Собрав

необходимую сумму, отправлялись домой к доктору заплатить за ночной вызов. Жена врача, получив гонорар, никогда его не считала, а только благодарила и интересовалась, не нужны ли деньги семье.

Так, с благодарностью, вспоминал старый нахичеванец доктора своего детства, человека, служившего людям, народу.

Г. Ф. Балиев

От своих родителей, от бабушки часто я слышал рассказы о замечательном человеке — докторе Галусте Федоровиче Балиеве, который лечил моего отца с раннего детства, да и всю нашу семью.

Отличался он особой образованностью, утонченными манерами, мягкостью и деликатностью в общении с больными, высоким профессионализмом и крайней степени бескорыстием.

Галуст Федорович и его жена учились в Германии, прекрасно владели немецким языком. Жена долгое время заведовала кафедрой немецкого языка в пединституте, Галуст Федорович — терапевтическим отделением больницы.

Время активной врачебной деятельности Балиева совпало с переездом в Ростов Варшавского медицинского факультета, со всемирно известными специалистами. Выступления Галуста Федоровича на терапевтических обществах являлись примером глубоких знаний и яркой эрудиции.

У него был круг семей, которые он, как домашний доктор, лечил в нерабочее время, и они могли в любое время дня и ночи рассчитывать на его помощь. Визиты к больным оплачивались, но, скорее, символически, в размере оплаты извозчика, довозившего врача к пациенту, — «деньги для кучера», как он их называл. Иное дело, когда больные сами посещали Балиева в его свободное от работы время — тогда плата увеличивалась. По-видимому, этим он давал понять, что его не следует беспокоить без особой необходимости. К тому же, будучи натурой творческой, он много работал... В семье начисто отсутствовал дух стяжательства, накопительства. Как-то мой папа, вызвав Галуста Федоровича домой, заплатил за визит больше положенного. И в ответ услышал возмущенное: «Не гуляйте, как купчик!»

Галуст Федорович буквально спас жизнь моему отцу еще в раннем детстве, когда ребенка, перенесшего ревматизм, в крайне тяжелом состоянии привезли в Нахичевань и отдали в руки доктора. С тех пор Галуст Федорович и лечил папино больное сердце. Будучи молодым врачом, я собрал все рецепты, которые Балиев выписывал в разное время моему отцу. Проанализировал их, и выяснилось, что ведущим лекарством была... наперстянка, тот самый «витамин мышцы сердца», который неоднократно критиковался местными специалистами (хотя в медицинской литературе повторялись рекомендации назначать этот препарат при приобретенных пороках сердца).

В 70-х годах был я как-то во Всесоюзном институте хирургии, где под руководством академика Малиновского разрабатывались тогда различные методики пересадки клапанов сердца и замена их на искусственные, тогда металлические. С нами беседовал создатель клапанов сердца, говорил об удачах и неудачах, охотно признавал, что успехи его радуют, но надо еще много работать над совершенствованием. Подойдя к пациенту, молодому шоферу, уже готовому к операции, и сопровождая его по длинному коридору, он вдруг задал ему вопрос: «А в силах ли ты заменить колесо на машине, смонтировать и размонтировать колесо ЗИЛа?» И, получив положительный ответ, приказал отпустить больного с рекомендациями назначить наперстянку. Вот когда, через много десятилетий, я вспомнил умного, мудрого врача, по-настоящему познавшего медицину, а главное — окружающий нас мир, мир трав, природные кладовые. И еще раз поблагодарил Галуста Федоровича за то, что он мне и отца сохранил, и подарил радость личного общения, научил понимать, любить жизнь и людей.

Незадолго до его смерти я видел старого доктора над раскрытыми современными журналами на немецком, французском, русском языках. Врач продолжал работать до последнего часа своей жизни.

Детей Галуст Федорович не имел, но воспитал и дал образование своему племяннику, будущему видному ростовскому хирургу Георгию Будагову, который спас жизнь не одной тысяче ростовчан, а также приобщил к своему нелегкому труду собственного сына.

Прах Галуста Федоровича Балиева покоится на армянском кладбище.

М. П. Атоян

Легендарной личностью, наверное, «перещеголявшей» всех своим авторитетом, любовью к нему не только нахичеванцев, но и всех прилегающих армянских деревень был Атоян Мартын Павлович.

Родился и вырос он в селе Чалтырь, был учителем и, поскольку поставил себе целью, получил медицинское образование. Долгие годы работал в районе, сформировался в настоящего земского врача и только после переехал в город Нахичевань.

В короткое время о нем заговорили все, он был доступен, внимателен, лечил всех, от матери до ребенка, от новорожденного до юноши и старика. Ставил точные диагнозы, а главное, непременно вылечивал своих пациентов. Врачебное его дарование практически не знало границ. Он прекрасно разбирался в урологии, нефрологии, кожных заболеваниях, владел дифференциальной диагностикой, знал фармакологию.

К его дому стекались не только страждущие горожане, но и жители окрестных деревень. По субботам улица, на которой он жил, была запружена подводами сельчан. Это был настоящий народный доктор. Ему верили, как богу. Все ждали, что скажет Мартын Павлович. Помогало даже его слово.

Близко я познакомился с ним уже на исходе его жизни. Врачебной деятельностью он не занимался, часто проводил время с художником Ованесовым Акимом Карповичем. Распивали чаи, вспоминали былые дни.

В начале 70-х, выполнив очередное поручение своего учителя, профессора Партеха Макаровича Шорлуяна, зашел я к нему домой. Все было в движении, болел маленький сын. К ребенку приглашались лучшие силы Ростова, профессура, была даже заочная консультация с академиком. Ребенок не поправлялся. Узнаю, что в течение трех дней квартиру посещает Мартын Павлович. Проводит здесь целые часы — чудачество, да и только. На четвертый день он высказал желание побеседовать с профессором. В этот и без того трудный период мой учитель создавал научное направление кафедры, готовил учеников, работы невпроворот — как выкроить время на незапланированный разговор? Заключение же мудрого доктора было крайне неожиданным: мальчик вне опасности, ему необходима мать, и только мать. Бабушек, тетушек отправить от

ребенка подальше, обеспечить рациональный режим. Малыш поправился, вскоре все позабыли о его болезни.

Дети Атояна пошли по стопам отца, близкие родственники тоже приобщились к медицинской профессии, таким образом, появилась целая докторская династия. Спустя годы, десятилетия, подходя к врачу с этой фамилией, больные продолжают спрашивать: «А кем вы доводитесь Мартыну Павловичу?» Третье поколение Атоянов достойно несет вахту на врачебном поприще. Красиво работает правнук Мартына Павловича — Нерсес Карпович Атоян, видно, унаследовал способности к дифференциальной диагностике.

Горожане с благодарностью вспоминают доброго врача, особенно сокрушаются по нему старики окрестных армянских деревень.

К. Ф. Кечекьян

В нашем городе его знали практически все, относились к нему с уважением и почтением, хотя — и с некоторой осторожностью. Было в нем что-то определявшее невидимую дистанцию между ним и окружающими.

О таких хирургах, каким был Константин Федорович Кечекьян, принято говорить: «Золотые руки». Выделиться из множества блестящих врачей, профессоров с мировым именем, таких, как Богораз, Напалков, Бухман, — очень непросто, надо иметь яркий талант, заслужить признание коллег.

Внешний портрет К. Ф. Кечекьяна. Среднего роста, коренастый. Мощный торс, крепкие руки. Гладко выбритую голову нес высоко и независимо. Шел неторопливо, горделиво, походкой отставного офицера.

К. Ф. Кечекьян получил хорошее образование, медицинский институт закончил в Германии, учился блестяще. Начал врачебную деятельность с гинекологии и в молодые годы зарекомендовал себя классным специалистом. Первая мировая война многое изменила в его судьбе. Приобщился к военно-полевой хирургии и после войны практически стал хирургом на всю жизнь.

Крепкие знания основ медицины, а также немецкого языка давали ему возможность ориентироваться в новом не только

в нашей стране, но и за рубежом. Много работал над книгой. Лучшая угловая комната в его особняке, выходившая в сад и на улицу, была отведена под библиотеку.

С раннего детства мне довелось наблюдать этого необычного человека, тогда казалось, что он садовод-любитель. В саду, где он ежедневно работал, был идеальный порядок. Красиво, правильно распланирован двор, декоративные и плодоносные посадки глубоко продуманы. Двор стерегла немецкая овчарка Кени, равной которой по красоте не было в Ростове, к тому же, неоднократный чемпион страны. Разводил Кечекьян экзотических кур, в вольере ползали черепахи, в доме в нескольких огромных аквариумах резвились рыбы.

В саду особое место занимали выведенные хозяином пионы. Радовали глаз великолепные розы. Ранней весной цвели жасмин и персидская сирень. Абрикосы рождались такой величины и такого вкуса, будто персики. Константин Федорович был постоянным членом выставочного комитета садоводов, занимал призовые места.

С ранней молодости увлекался фотографированием, помощниками ему были хороший художественный вкус и блестящее образование. В его фотоархиве воссоздана хроника эпохи, запечатлены неповторимые приметы времени.

Через всю жизнь Константин Федорович пронес увлечение скаковыми лошадками. Здесь он также проявил истинное мастерство — биолога, художника, эстета. Собрал уникальную коллекцию фотографий лучших скаковых лошадей СССР, составил их родословную.

Тонкий психолог, педагог, умел дать деликатный совет, а то и уберечь от беды неопытного человека. Еще в студенческие годы попал я на ипподром, посмотреть. Но атмосфера скачек может не только увлечь, но и выработать вовсе нежелательный комплекс; азартные игры, деньги — увлечение опасное. Константин Федорович был не только завсегдатаем, но почетным человеком на скачках, имел постоянное место в ложе и никогда не играл в тотализатор. Завидев меня, пригласил сесть рядом, что было честью для студента. Поинтересовался причиной, приведшей меня на скачки, какую я поставил перед собой задачу и какую преследую цель. От этих вопросов мне стало не по себе, да и ответить было нечего. Константин Федорович попросил хотя бы показать лошадь, какая мне нравится. Узнав мой выбор, подробно рассказал о родословной, скаковых возможностях. Мне стало ясно — билет проигран. Так же подробно рассказал старший собеседник о другой, с моей точки зрения, менее красивой лошади, познакомил

и с ее родословной, скоростными и физическими возможностями, способностью переносить перегрузки, уделил особое внимание объему ее копыта, объяснил, что земля мокрая и у этой кобылы на копытах будет скапливаться меньше земли. Так что победить должна именно она. Первым желанием было вернуться в кассы и купить новый билет, но ведь он этого не сделал! Я был скован. Заезд оправдал расчеты Константина Федоровича. Если ты себя уважаешь, напутствовал он меня, никогда не играй в тотализатор. С тех пор редко, но бываю на скачках — просто посмотреть это красивое зрелище. Сам же Константин Федорович приходил на скачки постоянно, проверял свои расчеты. Он был совестью скачек, и это хорошо знали махинаторы от конюшни.

А хирург он был замечательный, самобытный, диагност с большой буквы. Самых тяжелых больных в хирургическом отделении брал на себя, виртуозно решая вопросы хирургической техники и вкладывая в элементы операции свое, творческое. Некоторых смущала его суровость, кажущаяся самоуверенность, но вскоре поняли, что за этим — убежденность в правоте, идущая от глубоких знаний, эрудиции, от постоянной работы над собой, от многолетнего опыта.

В Ростове в тот период царил культ профессора Богораза, который по праву считался одним из ведущих специалистов нашей страны. Блестящий экспериментатор и пропагандист широкого диапазона хирургических возможностей, он умел видеть на многие десятилетия вперед, заражая энтузиазмом всех вокруг себя. Осваивал резекцию желудка. Первая удачная операция, заснятая на фотопленку, демонстрировалась на хирургических обществах, о ней сообщали по радио, писали об успехе в газетах.

К тому времени Константин Федорович был автором десятков таких операций. Оказывается, в дни трудового отпуска он ездил к профессору Березову и у него учился резекции желудка. Неоднократно ездил в Москву, к профессору С. С. Юдину, где у прославленного мастера желудочной хирургии учился искусству оперативной техники. Своими достижениями не хвастался, не поднимал их на щит для похвалы. Работал над собой, оттачивал операционную технику, заботясь об одном — приносить людям пользу.

Уже после смерти Кечекьяна несколько книг из личной библиотеки хирурга попали мне в качестве подарка, сделанного его сыном. Изучая их, а это были работы Юдина и Березова, я видел записи на полях, подчеркнутые места, вопросы, восклицательные знаки. А сами книги опрятные, с номер-

ным знаком, шифром собственного каталога. Передо мной раскрывался образ неутомимого врача-искателя.

Будучи наблюдательным человеком, нарабатывая опыт, формируя свои суждения, К. Ф. Кечекьян как бы заглядывал вперед, на десятилетия обгоняя теоретическую медицину. Так, в городе было известно, что он много оперирует онкологических больных, особенно с опухолями молочных желез. Больные долгие годы жили после операции, но при этом практически все страдали рожистым воспалением. Это их мучило, возникали обострения, сопровождавшиеся повышением температуры, ознобами. Хирурга ругали, некоторые боялись идти к нему оперироваться. Только спустя более 20 лет после его смерти в литературе появились сообщения о том, что раковые клетки гибнут при температуре тела более 40 и 41 градусов. Что это, случайность или закономерность в работе ученого и врача? Ведь он опередил время!

Будучи уже пожилым человеком, Кечекьян подготовил себе замену — заведующего хирургическим отделением областной больницы, много работал и помогал своему коллективу в вопросах диагностики. Молодые врачи, которых интересовала только хирургическая техника, рассказывали, как он поражал их умением точно ставить диагноз, объясняя, что это можно сделать только на основании клинических данных, анамнеза, и четко указать место нахождения опухоли кишечника. Приходил в операционную, с нетерпением ждал, когда вскроют брюшную полость, а изумленные хирурги дивились правильным его предположениям.

Выйдя на пенсию, он оставил подготовленный им замечательный коллектив, который долгие годы славно и слаженно работал. На заслуженном отдыхе занимался любимым делом, разводил цветы. Углубленно изучал историю армянского народа, его культуру.

Прошло более двух десятилетий после смерти Константина Федоровича Кечекьяна, когда произошло событие, вновь всколыхнувшее память о нем. То был вечер воспоминаний, на котором главный специалист области, образованный, нестандартно мыслящий врач большого дарования, поделился своей задумкой сделать буклет о хирургии прошлого, организаторах этой службы в областной больнице. Но ничего, кроме путаных пересказов, он не нашел. Архивов нет, нет свидетелей и очевидцев былого, даже фотографий не сохранилось. Обратились к семьям. К нашему сожалению, изумлению, и там ничего не осталось. Современная, часто роскошная мебель в старых квартирах, доставшихся от дедушек и бабушек, решила судьбу ре-

ликвий. Все на свалку! Но разве можно, выбросив справки, дипломы, прочую атрибутику, забыть плодотворно прожитую жизнь? Особенно тех, кто посвятил ее благополучию тысяч сограждан? Не в этом ли забытьи кроется та безнравственность, которая бьет больно и ранит неизлечимо?

Думается, было бы справедливо, чтобы на доме, где жил К. Ф. Кечекьян, появилось скромное упоминание об этой светлой личности.

Л. В. Тер-Григорьян

До столетнего юбилея она не дожила без малого три года. Морозное утро в день ее кончины будто подчеркивало: места теплу не осталось, жизнь угасла.

Для нахичеванцев она была «патриархом» и по возрасту, и по ясности ума, рассудительности, высокой, не подлежащей сомнению, порядочности. К ней приходили за советом в трудную минуту, спрашивали ее мнения, хотя подчас и боялись его, неизменно справедливого, беспощадного в своей правде.

Суждение о людях, их поступках Любовь Владимировна обычно начинала как бы с чтения генетического кода. Говорила: а что удивительного, ведь он из такой-то породы, а им свойственна такая-то черта.

Жила Любовь Владимировна очень скромно, размеренно, не изменяя раз и навсегда выработанным принципам. Верно служила своему врачебному долгу и клятве Гиппократа, однажды данной. Презирала выскочек, во всем — в науке, искусстве, образе жизни.

В детские годы Любовь Владимировна получила образцовое домашнее воспитание и образование. Семью Тер-Григорьян в Новом Нахичевани знали и уважали за умение вести домашнее хозяйство, воспитывать детей. Главой семьи был уважаемый горожанин, благороднейший и почтеннейший Владимир Маркович, который с особым уважением относился к своей умной, рассудительной жене, хозяйке, наставнице потомства. Детвора с ранних лет приобщалась к домашнему труду. У каждого, по возрасту, были свои обязанности. Особый спрос со старшей, Любы, она отвечала за всех. Но основное время, так же, как и средства, отводилось образованию. Такая позиция роди-

телей, выпадавшая из стиля жизни маленького купеческого городка, естественно, обращала на себя внимание.

В 1915 году из Варшавы в Ростов был эвакуирован университет с медицинским факультетом. Переименованный в Донской университет, медфак разместился в стенах Городской или, как тогда ее называли, больницы Красного Креста. Здания, отведенные под теоретические кафедры и мало приспособленные для занятий, находились в разных местах. На факультете не обучалось ни одной женщины-студентки. Что касается национального вопроса, то в университете проводилась политика великодержавного шовинизма. Однако сказывалось дыхание революции, давали знать о себе прогрессивные настроения.

Любовь Владимировна Тер-Григорьян была одной из первых женщин, поступивших в университет на медицинский факультет. И блестяще его закончила. Выбрала для себя нелегкую, но очень нужную, особенно для того периода времени, специальность — врача-инфекциониста. Инфекционные бараки в Ростове-на-Дону располагались за 10 километров от дома Любови Владимировны и в четырех километрах от последней остановки трамвая. Это расстояние она ежедневно одолевала — в холод и непогоду, и даже тогда, когда транспорт не работал. Чувство долга, милосердие, любовь и преданность профессии были сильнее всяких обстоятельств. Уже тогда Люба подорвала свое здоровье; в семье, украдкой, говорили, что у нее «слабые легкие». Возможно, именно это и явилось причиной ее последующего личного одиночества.

В 20-е годы недалеко от «холерных бараков» была построена, по проекту, подписанному Семашко, современная больница, включавшая и современный инфекционный корпус, куда пригласили работать Любовь Владимировну — старшим ординатором. В стенах этой больницы она проработала более 40 лет.

Совсем ребенком я сильно заболел, меня лечили, но безуспешно, и тогда бабушка попросила заняться мной свою двоюродную сестру Любу. Знающий, квалифицированный врач поставила точный диагноз, оградив меня от больших несчастий, предупредив необходимость оперативного вмешательства.

Позже, уже в бытность молодым врачом, пришлось мне некоторое время работать с нею в одной больнице. Удивляло, с каким неизбывным интересом она посещала патолого-анатомические параллели, активно участвовала в дискуссиях. Время затем переставило акценты, и теперь уже мне довелось быть

ее лечащим врачом. Сидя у постели 92-летней пациентки, отвечая на ею поставленные вопросы, я чувствовал себя будто на экзамене: четко сформулированная задача — и, естественно, емкий грамотный ответ. В свои за девяносто лет Любовь Владимировна была в курсе данных современной литературы, как отечественной, так и зарубежной. К счастью, мы нашли и взаимопонимание, и общий язык (что, несомненно, помогло и лечебному процессу). В одной из бесед с присущим ей чувством юмора, старый врач поведала, как к ней по вызову пришел молодой хирург. Не сняв пальто, даже не вымыв руки, двинулся к ней — к «старухе», давая понять, что напрасно его потревожили. Она же, опередив события, извинилась за беспокойство, добавив, чтобы по этому адресу он впредь никогда не появлялся.

Любовь Владимировна, блестяще играя на фортепьяно, была поклонницей Рахманинова, постоянной посетительницей его концертов в Ростове и постоянной слушательницей произведений композитора. Речь признавала только литературную, жаргонные слова и выражения, как, скажем, «до лампочки» или «до фонаря», она категорически отвергала и вообще принимала за оскорбление. Боролась за чистоту нравственную, следила за обликом молодых представителей своей фамилии. Больно переживала их недостойные поступки, стараясь не выносить на всеобщее обсуждение, но исправляла сама, проводя соответствующие беседы. Только в ее доме я мог слышать: «Этот поступок бросает тень на нашу фамилию».

Благородство, гуманность, высокие гражданские качества Любови Владимировны ярко проявились в дни бедствий народных. Когда фашисты вторглись в Ростов, Любовь Владимировна с сестрой под материальную ответственность вывезли из инфекционного отделения большой набор постельного белья, а также сумму денег — зарплату персонала, которую не успели раздать. С приходом наших войск все под расписку отдали. Сохраненное постельное белье было передано во вновь развернувшиеся госпитали. Деньги приняли у них по акту. Сколько было пережито во время оккупации голодных дней, сколько перенесено лишений, но все сохранилось в целости. И еще одна деталь. Уходя из жизни, Любовь Владимировна подробно расписала, какие сувениры должны вернуться в дом людей, откуда они пришли к ней в качестве подарков.

Задумаемся над тем, как следует жить и каким следует быть по-настоящему цивилизованному человеку.

М. Г. Чарыхов

Небольшого роста, неторопливый в движениях, спокойный, рассудительный, с умными добрыми глазами, доверительной улыбкой, располагающей к беседе. Это — Михаил Гаврилович Чарыхов, доктор-хирург, уже ушедший из жизни, но оставшийся в сердце и памяти тех, кто его знал.

Обликом, поведением, манерой держаться он мало походил на распространенный в 50-е годы тип своего коллеги-профессионала — грубоватого, резкого, взрывного, даже, во гневе, кидающегося инструментами в своих ассистентов. Михаил Гаврилович больше походил на скромного терапевта. Он и в кругу своих родственников смотрелся «белой вороной». Многодетные семьи с бесчисленными домочадцами, шумные, крикливые разговоры, споры по мелочам, возводившимся в ранг чрезвычайных проблем, ну, прямо, «итальянские кварталы»! — и тихий, держащийся в стороне Михаил Гаврилович. В его собственной семье главенствовала жена, человек совершенно противоположного склада. На фоне этого контраста Михаил Гаврилович напоминал мне чеховского героя Дымова: так же в тиши своего кабинета занимался любимым делом.

Он рано лишился родителей, был взят на воспитание одинокой своей теткой, к чести которой, получил не только хорошее воспитание, но и образование, да не где-нибудь, а в Москве, в Лазаревском институте. Жил настоящим студентом, без лишнего гроша в кармане и зачастую впроголодь.

Окончив медицинский факультет, стал работать хирургом в большой казачьей станице Павловской. Прежде всего организовал операционную, которой впоследствии гордился, в ней же провел свои первые оперативные вмешательства. Работал самоотверженно, заряжая своей энергией персонал. Молодые врачи как бы вовлекались в интересную «гонку», неся своим пациентам радость выздоровления, а себе — познания и опыт.

В Ростове обратили внимание на способного хирурга, и вскоре он был приглашен на постоянную работу в институт «скорой помощи», где в то время работали очень интересно и плодотворно. Там как бы собрался цвет интереснейших личностей. До сих пор не потеряла актуальности монография Виккера «Острый живот», она читается будто увлекательный роман. Михаил Гаврилович тесно вошел в этот коллектив, стал

его частью. Это, пожалуй, был самый яркий, истинно творческий период его жизни.

Финскую кампанию Чарыхов провел в санбате, на полях сражений. Опыт хирурга «скорой помощи» спас жизнь многим нашим бойцам. Перед Великой Отечественной врач-практик много работал и размышлял над вопросами военно-полевой хирургии. Писал и печатал статьи по гнойной инфекции в хирургии, делал сообщения на хирургических обществах, просто изучал материал и мнения коллег. Михаил Гаврилович создавал и разрабатывал новые подходы к операциям. На нем и остановил выбор профессор Богораз, пригласив к себе на кафедру. Такое приглашение было не только знаком большой чести, но высокой оценкой знаниям и способностям нового ассистента.

Коллектив кафедры находился тогда на подъеме своих научно-исследовательских изысканий и под руководством крупного профессора-экспериментатора, новатора Н. И. Богораза прокладывал заметные вехи в хирургии. Здесь впервые рождались методики пересадки эндокринных желез, осваивались методики резекций желудка, консервирования и пересадки тканей, производились операции по увеличению длины конечностей, теперь уже представляющие для хирургии вопросы истории.

Радость творческого труда прервала война. Как истинный гражданин, человек долга и чести, Чарыхов немедленно отправился на призывной пункт. Тяготы новой жизни некоторое время делили с ним жена и сын. Ребенок рос и мужал, видя страдания бойцов и самоотверженный труд своего отца. Михаил Гаврилович по двое — трое суток не выходил из операционной, а порой, работал и больше — столько, сколько было нужно. Приходилось оперировать даже в окопах, в трескучий мороз, ночью, под брезентом при свете фар «студебеккеров». Он так ни разу и не выстрелил из своего личного боевого пистолета. «Стрелять не успевал, не было времени, только зашивал раны тех, в кого стреляли», — ответил мне, тогда подростку, фронтовик с орденами на груди.

В студенческие годы мне довелось наблюдать за работой М. Г. Чарыхова, видеть, как он делал большие, крупные и по нашим временам, операции, под местной анестезией. Например, удалялась доля легкого. Для современных хирургов это просто немыслимо, а ведь это было. При отсутствии реанимационной службы хирургу приходилось самому выхаживать больного. Здесь он должен был показать себя — какой он терапевт. Это работала мысль учителя, профессора Богораза, ко-

торый однажды сказал, что хирург — «терапевт, вооруженный ножом». Михаил Гаврилович с честью справлялся с этой задачей.

В крупной, ведущей клинике М. Г. Чарыхов практически был правой рукой профессора, беря на себя многие, если не все хозяйственные заботы учреждения. И это — в условиях послевоенной разрухи, когда отсутствовали даже мелочи, а учебный год нужно было начинать в срок. Напряженная работа продолжалась дома, за письменным столом, до позднего вечера, до ночи, когда выручал только крепкий горячий чай.

Военные невзгоды, изнурительный труд, требующая огромного напряжения хирургическая практика отбирали силы. Пришедший недуг оказался неизлечимым. Но и через много лет в мире медицины помнят и чтут имя Чарыхова, одного из тех врачей, которые прокладывали путь в большую хирургию, вспоминают его доброту, человеколюбие, большую человеческую культуру. Дело Михаила Гавриловича продолжает его сын, внучка делает успехи в науке, лечит детишек. Растет правнук. Жизнь продолжается — достойно, красиво.

М. В. Дерацуян

Мирон Владимирович вошел в новое советское время человеком со своей сутью и мироощущением, сформированным дореволюционным патриархальным воспитанием. Эта печать отличала не только его, но многих людей того поколения. И врач он был, то что называется, земский, для которого нет святее однажды выбранной профессии, приравненной к высшему долгу.

Мирон Владимирович был небольшого роста, быстр в движениях, легко взбегал по лестнице даже в пожилом возрасте. Гладко выбритая голова, карие живые глаза. Между тем — чаще задумчивый, словно живущий своим внутренним миром, постигающий себя в каком-то ином измерении. Казалось, он постоянно в поиске ответа на трудно решаемые задачи. Лицо его редко озарялось улыбкой, но какой она была доверительной! И заразительной. Легко взрывался, негодовал, но не помнил зла, да и не хватало его на это, погруженного в работу, в заботы, а их у него было великое множество.

Родильный дом, где трудился М. В. Дерацуян, находился в центре Нахичевана (Пролетарский район). Двухэтажному,

красивому зданию, прежде принадлежавшему двум бездетным миллионерам, покинувшим Россию в дни революции, будто было предопределено стать гнездом, где являлось в мир новое племя.

Фасад здания и парадный подъезд украшены величественными кариатидами, прекрасной лепниной. На второй этаж вела беломраморная лестница, высокие потолки, большие комнаты создавали вид богатого особняка. Однако, чтобы поддерживать все это в должном порядке, М. В. Дерацуяну как руководителю сложного хозяйства приходилось прилагать немало усилий. Здание обветшало и требовало постоянного ремонта, начиная с внутреннего оборудования и кончая подвалом, котельной, приспособленным пищеблоком. Особо заботился Мирон Владимирович о единственном транспорте — лошади, проверяя, сколько раз в день и чем ее кормили.

Нахичеванцы относились свято к рождению ребенка в семье, поэтому роддом, его работники, руководитель всегда были предметом особого внимания и широкого обсуждения. Люди облегченно вздохнули, когда на смену бывшему руководителю сталинского образца, невежественному, малокультурному, профессионально непригодному, шантажировавшему и доносившему на собственных сотрудников, пришел Мирон Владимирович.

Врач-самородок, он нашел и раскрыл себя именно в родовспоможении. Блестяще владел дифференциально-диагностическим мышлением, молниеносно находил верные решения. Это был не теоретик, размышляющий в тиши кабинета, а рядовой солдат. И еще — творец и энциклопедист. Делал все сам, от сложнейших манипуляций до операций и тщательного выхаживания не только матери, но и новорожденного.

Жаль, что он и ему подобные, такие, как, скажем, врач П. Ефимцев, мало описывали свои уникальные поиски и находки, не оставили публикаций о единственно правильных решениях. Надежда оставалась на учеников, тех немногих, пытливых, любящих свое дело, кто мог взять неоценимое богатство из рук в руки. И основным педагогическим тезисом учителя было: «Делай, как я!» Лучше, добавлю, уже невозможно...

В коллективе последнее слово оставалось за ним, поскольку оно подтверждалось практическим успехом и высоким профессиональным знанием.

В студенческие годы мне доводилось бывать у него дома, видеть его жену, тихую, заботливую, умную, красивую. Относилась она к мужу с каким-то особым почтением, отдавая должное его трудолюбию, а главное, делу, которому он слу-

жит. Но и в ней самой угадывалось чувство собственного достоинства, свойственное личности незаурядной. У себя в семье Мирон Владимирович расслаблялся и вовсе не походил на строгого, требовательного начальника, был как-то по-домашнему мягким, просветленным. Дочь его, красавица, умница, с гуманитарными способностями, впоследствии выросла в блестящего врача.

По складу натуры Мирон Владимирович принадлежал к разряду людей, для которых дело было превыше всего остального. Его не прельщали чины и звания, он не терпел раболепства и лести. А время, в которое ему пришлось жить и трудиться, было иным. И хозяйничали в нем люди совсем иных правил и убеждений. Они не щадили и тех, кто беззаветно служил клятве Гиппократа.

Однажды в кабинет Дерацуяна бесцеремонно вошел тот самый вышестоящий начальник, который не терпел чужих возражений, сел за письменный стол, потребовал печать учреждения... И участь доктора была решена. Неважно, кто именно занял его место. Важнее, и страшнее, то, что политика «увода» из родовспоможения настоящих специалистов продолжалась, росло число материнских и детских смертей. Здоровье людей взяли в свои руки не врачи, а клерки.

К счастью, были умные, мудрые, нравственно чистые люди — хотя бы в другом ведомстве, медико-санитарном отделе управления Северо-Кавказской железной дороги. Они-то и пригласили на работу опального маэстро. Пригласили и не ошиблись. Долгие годы, почти до самых последних дней, Мирон Владимирович передавал свой волшебный опыт и врачебную порядочность молодому поколению. Сколько матерей и детей обязаны ему спасенной жизнью!

Дело отца продолжила его единственная дочь, Белла Мироновна Полтавская, впоследствии долгие годы руководившая родильным домом больницы СКЖД.

Яркая жизнь доктора М. В. Дерацуяна — одна из чистых и светлых страниц в биографии нашего здравоохранения.

П. М. Шорлуян

Впервые о нем я услышал еще в раннем детстве от своего отца, человека впечатлительного, тонко оценивавшего окружающих его людей, особенно врачей. Находясь на лечении, по-

ознакомился он и сдружился с молодым хирургом Партахемосом Макаровичем Шорлуяном. Военный врач, только что демобилизовавшийся из армии, прошедший две войны, вновь принялся за изучение своего любимого дела — хирургии — у известного профессора Бориса Зиновьевича Гутникова, ученика легендарного Богораза.

Обращало на себя внимание не только больных, но и коллектива кафедры чрезвычайное трудолюбие Шорлуяна, внимание к больным. Создавалось впечатление, будто он постоянно прописан в клинике: днем работал, обихаживал больных, вечером — ставил эксперименты и до глубокой ночи просиживал над книгами. Позже коллеги узнали, что до войны Партех окончил рабфак, затем институт, с отличием, и никому не известному парню из армянской деревни выдающийся хирург-экспериментатор, новатор, профессор Богораз предложил ординатуру в своей клинике. Великая честь!

Но вскоре — война. Финскую кампанию П. М. Шорлуян провел с бойцами в окопах, в снегах на передовой; в Великую Отечественную — в медсанбате. Смерть часто находилась рядом, а он боролся с ней, даря жизнь солдатам. Наконец, долгожданная Победа. Вернувшись домой, обнял старую мать, мать-героиню, увидел пустую хату, сестер не было, они работали от зари до зари в поле. В семье царила нужда.

Профессора Богораза в городе Шорлуян не нашел, помощи и поддержки ждать было не от кого. Перебирая содержимое бумажника, случайно обнаружил крохотный клочок бумаги, документ, удостоверявший, что он был отозван из учебной ординатуры на военную службу. Этот-то клочок бумаги и определил его дальнейшую судьбу.

К счастью, кафедру факультетской хирургии возглавлял человек высокой культуры, чести и врачебного долга — ученик Богораза, профессор Борис Зиновьевич Гутников. Личностью он был поистине незаурядной — блестяще играл на фортепиано, владел иностранными языками, любил живопись, знал литературу. Простой, доступный, душевный человек, бессребреник. Понимая, что к нему пришел работать солдат, у которого, кроме любви к хирургии и большого желания добиться профессиональных высот, ничего нет, он протянул ему руку дружбы и помощи. Раскрыл перед ним двери лабораторий, экспериментальной операционной и, наконец, своего дома. Партех стал его любимым учеником. Темой диссертации Шорлуяна стала крайне актуальная для послевоенного времени задача. Впрочем, это было продолжением тех наблюдений, кото-

рые проводил Партех Макарович в фронтовых госпиталях: «Влияние стрептоцида на заживление ран».

Позже, бывая в доме у своего будущего учителя, я всегда замечал — там, где обычно висели образа и лежала Библия, находилась и книга в красном коленкоровом переплете — диссертация. Эта книга свято оберегалась матерью. Наставляя меня, юношу, положив свою натруженную крестьянскую руку на мою, старая женщина вспоминала и рассказывала, как сын, порой в нетопленной комнате, работал над диссертацией — голодный, поедая жареные семечки. Возможно, с тех пор и страдал Партех язвенной болезнью желудка.

Вскоре пришло признание; в дом вошла молодая, красивая, умная, воспитанная в хороших традициях жена. Несколько лет подряд она торжественно носила специально ею приготовленную еду экспериментальным животным на кафедру. Исследования, однако, не принесли удачи. Профессор предложил новую тему, многолетний труд над которой увенчался успехом. Блестяще была защищена докторская диссертация, на которой мне, молодому врачу, довелось присутствовать. В Москве, в институте усовершенствования врачей, в присутствии признанных корифеев, академик Огнев ставил в пример тонкость и глубину научного поиска диссертанта.

Пришло для П. М. Шорлуяна время заведовать кафедрой самостоятельно. Мне опять же посчастливилось быть рядом с ним. Создавалась заново не только материальная база, но формировалось новое научное направление, была у зав. кафедрой мечта о своей школе, учениках. В скоропомощном хирургическом отделении пришлось структурно многое менять, готовить кадры, требовать строгой хирургической культуры, деонтологии, наконец, тактических позиций, за которые руководитель взял смелость отвечать сам. Здесь проявился характер солдата, в мирной обстановке вооруженного знаниями, полученными от таких учителей, как Бухман, Богораз, Гутников, личным опытом военного диагноста и хирурга.

Талантливая молодежь тянулась к нему. Молодые, способные шли в науку через большой практический труд, на «скорой помощи», и экспериментальный. Таких Шорлуян выделял, признавал, подсказывал научную тему, создавал условия, искренне радовался успехам.

На разных этапах мне приходилось работать вместе с Партехом Макаровичем — и когда я писал кандидатскую диссертацию, и когда готовил две монографии. В качестве свободного времени он назначал вечера суббот и воскресные дни. Не перестаю задаваться вопросом: а когда же он отдыхал, если

каждый год у него на кафедре защищалась кандидатская диссертация, а под его руководством было подготовлено и защищено шесть докторских диссертаций? А еще им написаны три монографии. А сколько фундаментальных статей, выступлений на Всесоюзных форумах! Титанический труд и был его отдыхом.

В науке Партахемос Макарович имел свое лицо, много занимался разработкой различных хирургических методов лечения заболеваний желудка, желчного пузыря, консервации и пересадки тканей, лечения ран. Работая с ним, мы, молодые хирурги, оперировали практически все, от органов брюшной полости, почек, мочевого пузыря, сосудов, костей до онкологической патологии. Партех Макарович относился к навсегда уходящему поколению поливалентных хирургов, при этом не только блестяще владел вопросами диагностики, но и не знал границ в объеме хирургических оперативных вмешательств.

Мы видели, с каким уважением к нему относились выдающиеся хирурги старшего поколения, такие, как Вишневский, Стрючков, Бураковский.

П. М. Шорлуян не терпел выскочек, особенно в науке, а таких в застойный период появилось множество. Используя партийные билеты, влияние сильных мира сего, они проталкивались в первые ряды, получали научные степени при отсутствии интеллекта, без глубоких знаний. Встречая препятствия на своем пути, писали анонимки, жалобы, просто хамили. В таких ситуациях в Шорлуяне просыпался солдат; он, как в бою, принимал огонь не сгибаясь, не прячась. Обычная твердость покидала его только перед слабыми, незащищенными, нуждавшимися в защите и покровительстве.

К нему с особым доверием шли армяне из окрестных деревень. С обветренными темными лицами, в сапогах, запачканных землей, они приходили прямо на кафедру и терпеливо ждали, когда Партахемос Макарович освободится и пригласит их к себе. Обращались к нему на ты, говорили на понятном ему диалекте, свято следовали его советам, не подвергая их ни сомнениям, ни обсуждению. Он был их гордостью, надеждой, их Партехом, а он, как высоко ни поднимался, отвечал взаимным теплом и огромной человеческой благодарностью.

В быту это был любящий, заботливый муж и отец и неповторимый дедушка. В дом нес только радость, оставляя все невзгоды за порогом. Был справедлив, немногословен, ему доверяли беспредельно.

Учеников встречал как своих детей, расспрашивал о семье, о делах, трудностях и успехах. Знал все даже о детях своих

учеников, гордился хорошими, огорчался за плохих, пытался деликатно дать совет.

Что касается личных планов, то мечтал построить дом в деревне и там доживать свой век. Уже в поздние лета приобрел машину, любил ее, ездил осмотрительно, спокойно. Но... случилось внезапное, непредвиденное. В дождливую погоду, по мокрой дороге вел он машину, ехал домой. Автокатастрофа в одну секунду вырвала Партахемоса Макаровича из жизни.

Провожали П. М. Шорлуяна в последний путь его ученики и их дети. Провожали те, кто обязан ему возвращенным здоровьем. Прощались коллеги. И все говорили о том, какой глубокий след может оставить человек, уходя: след в учениках, делах, науке, детях, внуках.

С. М. Багдыкова-Карташова

Она первой взяла меня на руки в минуту моего появления на свет, шла рядом со мной до конца собственной жизни, воспитывала, просвещала, прививала любовь к медицине, радовалась рождению уже моих детей, так же приняв их в минуту появления на свет, всех, в одном и том же родильном доме, в Пролетарском (в прошлом Нахичевань) районе г. Ростова.

Речь о сестре отца, моей, по сути, второй матери — Софье Минасовне Багдыковой-Карташовой.

Родилась и росла она в бедной армянской семье, одна девочка среди четверых братьев, отсюда и мужской ее характер, крепкая воля.

Жила семья Багдыковых в станице Уманской, на Кубани, снимала площадь в доме отставного атамана. Отец был человеком образованным, много читал, увлекался терапией, изучал труды Платона. Ранний интерес девочки к занятиям отца подкреплялся примером тети, закончившей в Петербурге фельдшерско-акушерские курсы у профессора Отто.

К осуществлению мечты вел Софью большой трудовой путь. Была санитаркой, училась в фельдшерско-акушерской школе и, одновременно, работала операционной сестрой в клинике, основанной видным ученым хирургом Напалковым. Повезло с наставницей, знаменитой З. Лозиной, которая по праву могла гордиться тем, что ее работу высоко оценивали видные хирурги того времени, участники первого Всесоюзного Донского съезда хирургов.

Софья Минасовна поступила в медицинский институт. В студенческой среде встретила молодого парня-казака, очень одаренного человека. Полюбила, вышла замуж и с непреходящим благоговением относилась к его таланту, заботилась о создании условий для творческого труда. Захар Иванович Карташов был любимым учеником прославленного хирурга-экспериментатора, новатора профессора Богораза и сам вырос со временем в крупного ученого, получил профессорскую должность.

Софья Минасовна, между тем, продолжала заниматься любимым делом акушера-гинеколога. Все было хорошо, но объемы собственной работы, исследовательская деятельность мужа словно заслонили, отодвинули на второй план сверхважное: в семье Карташовых не было детей. А вскоре грянула война. Муж ушел на фронт. И — вернулся с новой женой и ребенком.

Весь пыл горячей души, нерастраченную любовь к детям Софья Минасовна перенесла на своих племянников. Наша семья скрашивала ее одиночество. Жили мы вместе, а потому были обогреты душевным теплом этой удивительной женщины более других.

Личный пример тети, ее самоотверженное отношение к долгу врача уже тогда определили и мою судьбу, и почти всех ее племянников.

В годы оккупации нашего города фашистами Софья Минасовна порой с риском для жизни выполняла врачебный долг: спешила на помощь женщинам, нуждающимся в ее помощи. Помогала раненым, вместе с подругой Е. Тищенко, жившей на самом спуске 29-й линии, где проходила переправа бойцов через Дон. Подруга, тоже врач-хирург, потерявшая мужа во время бомбежки, осталась с тремя малыми детьми.

Знаю я и такую историю, тоже из военного времени. Соседский мальчик, подросток, попал в беду: играя с запалом, при взрыве получил тяжелые ранения обеих кистей рук со значительным поражением пальцев. За хирургическую обработку ран взялась Софья Минасовна, пригодился опыт работы операционной сестрой. Она боролась буквально за каждый миллиметр хватательной поверхности оставшихся культей пальцев. Каро Топальян, которого врачевала Софья Минасовна, после освобождения города от фашистских захватчиков пошел учиться в ФЗО, на слесаря. Всю жизнь был инструментальщиком-лекальщиком. Его ювелирным мастерством восхищались реставраторы и неоднократно просили помочь в восстановлении найденного при раскопках древнего оружия.

Послевоенные годы были тяжелыми. Разруха, нехватка пи-

тания и одежды. У всех свои, но одинаково трудные, житейские проблемы. В коллективе роддома, где работала Софья Минасовна, она одна была бездетной. Ее-то в первую очередь и посылали в самые отдаленные районы области, поручали и внеочередные дежурства, и в праздничные дни. Были моменты и пострашнее: наветы, доносы, даже допросы. Тюрьмы, однако, удалось избежать.

Все пережитое, несомненно, отложило свой след, сделало на сердце зарубки, но улыбка моей тети оставалась доброй, ясной и — неповторимой.

Софья Минасовна, будучи специалистом, постоянно училась, перенимала передовой опыт. Яркой страницей была совместная работа с большим мастером родовспоможения Мироном Владимировичем Дерацуевым. Крупный организатор, имеющий хорошую школу и богатейший жизненный опыт, талантливый, от бога, врач, он заслуженно учил по принципу: «Делай, как я». Кстати, свое искусство врачевания Мирон Владимирович передал и дочери, Белле Мироновне, имя которой с благодарностью называют многие счастливые и осчастливленные ее своевременной помощью родители и супруги.

Отработав день, а порой, и сутки, Софья Минасовна уходила домой, чтобы приступить ко второй, не менее важной своей службе — решению проблем своих многочисленных близких и дальних родственников. К ней шли с просьбами: достать уголь, дрова, материал для кровли, повлиять на загулявшего мужа, на отбившегося от рук сына. И она покупала дрова, уголь, кровлю. За свои деньги. И сообщала радостным просителям, что все это она «выбила» в райисполкоме, бесплатно.

Семейный дом Багдыковых вообще представлял собой «штаб» особых дел и поручений. Еще и потому, наверное, что в нем проживала мать Софьи Минасовны, наша бабушка, глава большого армянского клана, женщина скромная, набожная, строго соблюдавшая традиции нахичеванских армян. Она, скажем, не позволяла себе ежедневного употребления мяса, взамен были постные и рыбные блюда. Престольные праздники ею соблюдались тщательно. В день Пасхи с поздравлениями в дом приходил настоятель собора священник Черчепьян. В доме должно было быть все так, как во времена бабушкиного детства, и при этом никому не дозволялось вмешиваться в эти священные дела. Пекли пасху, псатир, губаты. За стол садилось от 35 до 40 человек — дети, внуки, ну, самые близкие. Каждый знал свое место, знал, как себя вести. Предпочтение во всем отдавалось старшим.

Вечера, когда большая семья была в сборе, проходили ве-

село. Взрослые играли на музыкальных инструментах — фортепьяно, скрипке, мандолине, гитаре, аккордеоне, прекрасно импровизировали. Пели армянские, русские, украинские песни, причем у каждого была своя, любимая, и каждую с уважением исполняли. Музыкальный вечер обычно открывала Софья Минасовна, играла на рояле вальс «Судьба».

Особой заботой Софьи Минасовны было образование племянников и их сверстников-друзей. Случалось, ходила по инстанциям, просила, улыбалась обаятельно, плакала, наконец, умоляла. Главное, чтобы учились. Учились те, кто готов был бросить институт... Да, во многом благодаря ее настойчивости и постоянному вниманию стали мы полезными обществу людьми. Медицинский институт был для нее неким святилищем. На эту дорогу она склонила более 20 своих родственников, приобщая, причащая к гуманной профессии. Есть среди нас хирурги, урологи, гинекологи, эндокринологи, психиатры, врачи-лаборанты, организаторы здравоохранения, научные работники.

По долгу службы я бываю в Пролетарском роддоме. И вот я снова здесь, где некогда родился, где родились и мои дети. Старая санитарка интересуется, кто я, и, услышав фамилию, вдруг задает неожиданный вопрос: «А как вас звали в детстве?.. А, так вы Миня». Оказывается, в долгие ночи на дежурствах рассказывала Софья Минасовна сотрудникам о своих племянниках и обо мне, в частности, о своих и наших радостях и печалях. Говорила о самом сокровенном. Ее слушали неравнодушно. Потому что искренне любили, сопереживали ей.

Пришло время, когда в коллективе, где работала Софья Минасовна, узнали о ее неизлечимом недуге. Бедная моя тетя уже не справлялась со своими обязанностями в полном объеме. И тогда коллеги поступили по всем законам человечности: они незаметно взяли на себя часть профессиональных забот, взяли чужую ношу и тихо, без показушности, несли ее до конца дней старого доктора. Особую деликатность проявила сама заведующая женской консультацией, Эмма Изановна Акопян, блестящий врач и организатор, человек благороднейший, высокого долга и гражданской чести.

Так и не узнала Софья Минасовна «коллективной тайны», этого акта милосердия. Ушла не просто из жизни, а со своего рабочего места. Жаль только, что в учреждении, где она трудилась, нет красного уголка, нет стенда, с которого смотрели бы на молодого современника лица ветеранов. И словно бы говорили: живи, как я, делай, как я.

И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ...

Людвиг Дурян

Куда бы ни забрасывала судьба армянина, память о месте, где его родила мать, остается на всю жизнь. И, невзирая ни на что, независимо, постоянно, тревожит и, как магнитом, притягивает душу капля крови, пролившейся на месте рождения. Земля эта всегда близкая и родная — земля, где ты обрел жизнь, а с ней обязанность трудиться.

Трудолюбие — основная отличительная черта армянского народа, за что другие страны и народности ценили, признавали, жаловали вниманием, уважали эту нацию с ее нелегкой, порой трагической судьбой.

Главное для армянина не быть, а стать, найти свое дело, приобщиться к нему, преуспеть, на пользу не только себе, но и своему народу.

Яркий пример такого человека, к тому же, романтика, преданного природе, черпающего из нее бесконечные жизнеутверждающие силы, — поэт Людвиг Дурян (Кристостурян). Родился он, как и его родители, на донской земле — в селе Чалтырь. Рос и воспитывался в Ереване в семье мастера-«варпета», как и поныне называют односельчане.

Земледелие, садоводство Людвиг полюбил с детства, это было его стихией, смыслом жизни, продолжением профессии предков-армян, переселенцев из Крыма. Донские плодородные степи, близость Кавказских гор, доносимое ветром дыхание моря и тоска по рано ушедшей из жизни матери — породили в ребенке какую-то грустную мечтательность и редкую способность видеть прекрасное в вечном. Рос и формировался поэт, философ.

Доброта, доходившая до святости, отличала Людвига с юношеских лет. Вся его, в том числе переведенная на русский язык, поэзия говорит о любви и к людям, к природе. С затаенной тоской он пишет о прошлом, давнем, ушедшем, но оставившем нетленный след на земле. Многие его строки — гимн человеку.

Удивительно бережно относится Дурян ко всему, что дарит природа, не только в масштабах планетарных, но и у себя дома, на своем приусадебном участке. Первое впечатление — красивый, заросший разнотравьем участок, но заросший так необычно красиво, как бывает на высокогорных альпийских лугах, где не наводил свой порядок человек, не занимался «цивилизацией». У него, у Людвига Дуряна, в саду подлинная хозяйка — природа. Здесь спокойно птицы свивают гнезда и выводят потомство, им некому мешать, он этому только радуется. В саду доживает свой век давно не плодоносящая чинара, но с каким почтением и уважением относится к ней хозяин, за ее прошлое, за то, что плодоносила и спасала в зной, за ее долгожительство. За деревьями Людвиг ухаживает как за детьми, радуется их плодам, хорошим, и огорчается плохим: все, как в жизни, все, как у людей.

В повседневности поэт — радостный, восторженный ребенок, постигающий мир умом мудреца, проникающий слухом в звуки природы, в дыхание земли, мелодию текущей воды. Только он может, на полном серьезе, слышать, как с ним разговаривают фонтаны Еревана, как поведывают ему повесть минувших веков.

Больно бывает смотреть на поэта, когда он, наблюдая за человеком, видит, что тот деформируется, теряет качества, предначертанные ему добрым генетическим кодом, качества сильного, доброго, разумного существа на земле.

Долгие годы работая со словом, понимая могущественную силу его, он всегда как-то очень бережно произносит слова, не спешит, слово для него дорого, дорого его звучание, значение, ведь оно — рождалось веками, объединяло людей, помогало им жить.

Людвиг Дурян принадлежит к той плеяде поэтов, в памяти которых постоянно присутствуют живая связь времен, необъятное богатство исторических и культурных традиций. В то же время, эта память является мерилом нравственной силы и духовных ценностей. Поэт говорит об истории своего народа, об уроках этой истории, воспевает суровую красоту отчего края, духовный облик лучших своих современников.

Образ праведного солнца, которое светит человечеству, взра-

щивая только добро, является как бы олицетворением того, к чему призывает своим творчеством, своей жизнью бывший наш земляк-нахичеванец поэт Людвиг Дурян:

Ты, солнце, — братства герб,
Один для всех народов,
Сияет всем вокруг
Горячий круг лучей,
И каждый яркий луч
Под вечным небосводом,
Не помешав другим,
Летит к земле людей...
Ты озаряешь мир естественно и мудро,
Победно ты стоишь на голубом посту,
И люди говорят друг другу:
— С добрым утром! —
Все потому, что ты
им даришь доброту...

Ф. С. Готьян

Поколения мальчишек военных лет — воспитанных без отцов, знавших холод и голод, лишенных в детстве элементарных благ, столкнувшихся с жестокостью. Но их ставят в пример, говорят об их высокой гражданственности, чести и чувстве долга. Меня этот феномен озадачивает: ведь многие даже не видели своих отцов, а матери трудились от зари до зари, зарабатывая хлеб насущный. И все же... Кто заложил в душах ребят нравственные основы, зародил стремление к прекрасному?

Уже в зрелые свои годы, в 1960 году, был я в Ростовской филармонии на встрече с народными артистами СССР режиссером Ю. А. Завадским и актером Н. Ф. Мордвиновым. Оба вспоминали довоенные годы, когда молодой режиссер Завадский в июле 1936-го приехал с труппой, в их числе Марецкой, Мордвиновым, Пляттом, в Ростов, во вновь отстроенный театр имени М. Горького. Событие это стало яркой страницей в культурной жизни города. Открывался репертуар труппы бывшего театра имени Моссовета спектаклем «Два бойца». Второй была пьеса нахичеванского драматурга Федора Сергеевича Готьяна — «Тигран». Она рассказывала о судьбе геоло-

га-армянина, который всеми помыслами был устремлен в лучшее будущее и трудом своим приближал его в настоящем.

Главную роль в пьесе исполнял Н. Д. Мордвинов, «художник необыкновенного самобытного, неповторимого дарования, по природе своего таланта очень русский, связанный самими корнями своего творчества с идущей из глубины веков исконно русской традицией сцены — традицией актеров «нутра», актеров могучего темперамента и пылкой правды переживаний» **(Ю. А. Завадский).**

На той, памятной, встрече в 1960-м и режиссер, и исполнитель главной роли тепло говорили об авторе пьесы. Подчеркивали мастерство драматурга, высоко отзывались о самом произведении, отвечавшем духу времени.

Человек, о котором шла речь, Федор Сергеевич Готьян, был ни кем иным, как моим преподавателям музыки, любимым учителем. И только! Что мы еще знали о нем?

С тех пор по крупицам я стал собирать сведения о Готьяне, но их было мало. Личный архив пропал во время войны. Люди, помнившие Федора Сергеевича, тоже мало знали о нем как о драматурге. А ведь личность — интереснейшая!

Удивительно и то, что Тигран, в честь которого поставлена и именем которого названа пьеса, — мой друг и родственник. Крупный специалист, он пошел по стопам своего отца, геолога А. Ягубянца, который и подсказал тему будущего произведения Федору Сергеевичу. Перед взором драматурга раскрывалась чужая жизнь, с поисками и разочарованиями, вся подчиненная законам долга и товарищества. Автор получал не только документальные сведения, но богатый психологический материал.

Я несколько отклоняюсь от предмета своего повествования, но лишь затем, чтобы снова к нему вернуться.

Страна моего детства — это война. У мальчишек в карманах — осколки от снарядов и бомб, порой еще теплые, только что подобранные, шершавые, порох, запалы, короче, не игрушки, а игра со смертью. Центром «культурной жизни» этого периода стал базар. Торговля всякой всячиной, обилие нищих, искалеченных, молящих о подаянии. Все мои мысли вращаются вокруг еды. На что ее выменять? Что купить? Прохаживаясь вдоль рядов ларьков, я неожиданно замечаю футляр. Внутри — маленькая скрипка. С этой минуты мой покой потерян, и, куда бы я ни шел, путь заканчивался непременно у ларька, где на витрине лежала скрипка. Вскоре я стал ее счастливым владельцем.

Ростов освобожден от фашистских оккупантов. Для меня

главное ощущение мирной жизни — день, когда мы приехали к учителю музыки. Встретил нас небольшого роста человек с большим лбом и копной седых волос, чисто выбритый, с добрыми улыбающимися глазами, одетый в опрятный темно-синий костюм в полоску; кипенно белая рубашка, галстук. Моим вниманием сразу же завладели его руки, мягкие, словно с просвечивающей кожей, коротко остриженными ногтями. А заговорил — и голос мягкий, словно обволакивающий тебя. Впечатление такое, что ты уже давно знаешь этого человека, а главное, веришь ему. Он изнутри светился добротой...

Всякий раз потом, подходя к дому, где он с матерью снимал комнату (их квартира сгорела), я слышал волшебные звуки скрипки и подолгу простаивал у окна, прежде чем постучать. Манера игры у Федора Сергеевича была особенно проникновенная, очень искренняя, она отражала характер самого исполнителя.

Запомнились навсегда первые уроки. Учитель старался, прежде всего, привить своим воспитанникам любовь к инструменту. Много рассказывал о мастерах, делавших скрипку, о сортах дерева, поисках лака. Увлекательнейшие были эти истории!

Показывал Федор Сергеевич свои инструменты, говорил об особенностях, тембровой окраске каждого. Мы узнавали, что есть верхняя и нижняя дека, и что такое распорка и подгрифок, и в какой последовательности натягивать струны, как их настраивать. Внушая нам правила пользования инструментом, учитель особо подчеркивал слово «ухаживать». Демонстрация им обработки поверхности скрипки ореховым маслом произвела ошеломляющее впечатление: не текстура, а волшебное дерево!

После каждого такого урока скрипка становилась предметом гордости для ее владельца. Мы были убеждены, что являемся обладателями сокровища. Знакомые ребята смотрели на «чудо-инструмент» с уважением, а на юных музыкантов с затаенной завистью. Скрипач же — только учился, и то с большими трудностями, водить смычком по струнам.

Федор Сергеевич обладал огромным педагогическим тактом, не повышал голоса, не унижал ни в ком чувства достоинства, напротив, подчеркивал, что трудности в достижении цели — процесс естественный.

Каждому воспитаннику казалось, что учитель работает, главным образом, с ним и вообще существует только для него — с таким вниманием и кажущимся наслаждением слушал Федор Сергеевич часто душераздирающие звуки, исторгаемые

из струн начинающим музыкантом. Но поистине преображался, когда действительно получалось интонационно правильно. Занятия были для ребят бытием — культурным и воспитующим. К этому предрасполагало все, начиная от внешнего вида преподавателя, до правильной, литературной речи (явный дефицит на улице), яркие, понятные детскому уму сравнения.

Готьян знал свой народ, его психологию, обычаи, нравы. Но не хуже знал он среду, в которой живет и формируется тот или иной его подопечный, искал ключ к душе ребенка, готовой откликнуться на прекрасное.

Говорил он с учениками на понятном им языке, находил близкие, доступные образы. Пусть звук инструмента, говорил он, будет воздушным, прозрачным, как слой сорокалиственного пирога, который раскрывает твоя бабушка на праздничном столе. И перед взором ребенка возникал образ бабушки, матушки, и веяло в воздухе ароматами родного дома.

Нотной бумаги, учебников тогда не было, школа находилась практически в аварийном состоянии, класс холодный, тепла металлических печек явно не хватало. Через всю комнату к окну тянулась дымящая труба. Федор Сергеевич часто занимался с нами у себя в доме, сам линовал бумагу и «вечной» ручкой очень быстро писал мелодии. Зная способности ученика, давал индивидуальные задания, при этом напевая мелодию, расставляя акценты, привлекая воспитанника к этому процессу. Зная из бесед, какую песню любит слушать или петь мама, бабушка, в простеньком варианте записывал ее вместе с ребенком, пусть играет на радость родным.

Лишь единицы из обучающихся у Готьяна стали профессиональными музыкантами, преподавателями, но умение подобрать мелодию, импровизировать, тяга к прекрасному остались у всех и на всю жизнь.

Ранней весной, когда природа пробуждалась, он выводил нас за город, в парк. Помню, как выпускали мы на свободу птичку, которая у него перезимовала...

Учились мы в мужской школе и только здесь, в музыкальной, встречались на уроках с девочками. К маленьким представительницам прекрасного пола Федор Сергеевич относился с подчеркнутым уважением и тактом, не обрушивался на них за неприготовленные уроки.

Мы слышали о том, что по вечерам он играет в театре, в оркестре, но о нем — признанном драматурге — практически никто не знал. Эту сторону своей жизни он как-то от нас скрывал. Так же случайно, но значительно позже, я узнал,

что Федор Сергеевич увлекался поэзией, тонко ее понимал и пробовал в стихотворчестве свои силы. Им совместно с композитором, пианистом и великолепным преподавателем Серафимом Емельяновичем Малконовым создан романс «Осень золотая».

Вот оно, стихотворение, извлеченное из личного архива Серафима Емельяновича. И к нему — нотный текст. Вслушиваюсь в задумчивую мелодию, с классическим ажурным аккомпанементом для голоса и скрипки. Такое тонкое, наполненное яркими красками произведение!

Луч солнца все бледней.
В безветрии летит
Наряд осенних дней —
Серебряная нить.
И падают с ветвей
Усталые листы,
Редеет сеть теней,
Скворечники пусты.
И тих, и бледен день.
Но грусть его легка,
Как трепетная тень
От крыльев мотылька,
Как скорбный тихий звук
Разбуженной струны.
Печален поздний луг,
Задумчивы пруды.
И грустно, и легко
Все падают листы.
Уходят далеко
Надежды и мечты.
Таков твой скорбный взгляд,
В нем робкое тепло,
Глаза твои глядят
И грустно, и светло.

Судьбе было угодно преподнести мне еще один сюрприз. У любимой племянницы Федора Сергеевича оказались также не изданные его произведения, подаренные ей в разные годы жизни. Мы провели с Эммой Вагановной немало вечеров. Она вспоминала, я слушал и листал бесценный архив: роман «Антон Горбонос», пьесы «Интеллигент», «Усадьба Черненых», рассказы «Поздняя весна» и «Праздные записки» — психологические этюды.

«Антон Горбонос» писался в течение 15 лет, с 1928 по 1943-й. Начало романа освещает время переселения армян из Крыма на Дон. Автор описывает этот долгий, изнурительный путь, мытарства в нелегких дорогах, жизнь на чужой стороне. Наконец, трагическая судьба главного героя, Антона — сына армянина-священника, вдовца, не получившего разрешения на повторный брак от синода, и молодой, неопытной девушки-домработницы.

«Когда ноябрь лег первым снегом и хутор прижался серым воробушком, у Агафьи родился сын...»

«В степях Приазовья, у нижнедонских курганов, сплелись три нити — казачья станица, украинский хуторок и армянский поселок. Сплелись нити недалеко от Дона, к северо-востоку от широких рукавов его, на берегах маловодной речки Тузлова. Мелкая речка с головой укрывается глухим камышом, словно стыдится показать свое дно. а. зарывшись под гору армянского поселка, будто пугаясь его, отбегает в сторону, задевая рукавом слева раскинутый хутор украинцев.

По одну сторону реки живут украинцы, по другую — на высоком берегу — армяне, а восточнее их — казаки.

Армяне пришли сюда еще во времена Екатерины Второй, когда от магометанских преследований они бежали из Крыма. Русская сторона манила их пустошными, плодородными землями, и шли они смуглой разорванной лентой по глухим южным дорогам, оставляя одинокие могилы в глухих степях и роняя по редким станицам черномазых, полуживых детей.

А когда дорога привела к Дону, они на правом берегу его сделали первую остановку. Остановились, задержались... тут же и стали на жительство.

Так и назвали — «Первая остановка», по-своему — «Нахичеван». И поселок на берегу Тузлова — их ветвь. Живя в постоянном соседстве с украинцами и казаками, армяне много позаимствовали у них, но и сами тоже передавали им свое, издалека завезенное. Нити сплетались... Старуха-армянка рвала на себе волосы, проклиная сына за женитьбу на русской, пьяный казак волочил по сараю было сворованную «черномазым» дочь... Корни уходили вглубь, все больше и больше завязывался узелок...»

В лирической драме «Интеллигент», написанной в 1932 году, Федор Сергеевич Готьян обращается к судьбе самого хрупкого слоя общества, ранимого, не способного к активному сопротивлению, к изменению своих основ и убеждений — интеллигенции. Устами своего героя автор говорит: «Я не романтик, даже мистик порою и, вместе с тем, трезво реалистичен. Я

тоскую по колокольному звону, по усадебной грусти и счастлив героикой нашей эпохи. Я воспитываю в детях устойчивость и трудовую целенаправленность, а сам гнусь от любовного вздоха. Жена мне советует к врачу обратиться, она говорит, что есть такая болезнь — дуализм личности. Но это неверно, медицина тут ни при чем. Теперь, знаю я, умру таким...»

В 1933 г. Готьян пишет драму в пяти действиях, «Усадьба Черненых». Вот один из монологов, скорее, авторский: «Ваша мать была нищей потому, что богатый сосед не был человеком. Если вместо богатого соседа будет бездушный социал-начальник, ваша мать все равно будет несчастной. Все дело в людях, а не в системах. Путь человечества озарен не ученым лбом Карла Маркса, а кротким, лучистым взором Иисуса Христа. Не о богатстве мечтайте, а о чистоте души человеческой. Во всем видеть материальное... гадко! Я презираю богатство!

Я богат, презирая богатство, вы бедны, мечтая разбогатеть. Что хуже, товарищ марксист? Человек одухотворен богами и в духовной сущности его смысл жизни всех, и богачей, и нищих».

Живя в эпоху беззакония, репрессий, унижения человеческого достоинства и искривленных идей, Федор Сергеевич рассуждает: «...человек поднят над всем живым миром силой своего ума и сердца. Кто же спорит? Это ведет его к разумному труду. Но в теперешнем мире труд — мучительная необходимость. А почему? Потому что трудящиеся порабощены бездельниками, тунеядцами». Автор обращает свои мысли к прошлому, когда «кто-то из старых писателей» хорошо предсказал: «вот мы вздыхаем, мечтая о лучшем будущем, о времени прекрасных героев, о заре человечества, а придет это время, взойдет заря — и мы впервые отвернемся от нее, заплюем клеветой». Заря была, она недолго сияла...

В своих психологических этюдах Федор Сергеевич делает попытку самооценки перед лицом истории, выставляет себя перед судом, где его подвергают допросу. Судьями являются молодая девушка — Муза, профессоры — психоневролог, хирург, терапевт. Этот ряд завершают социолог, экономист и психиатр.

«Я не внес своего вклада в так называемую сокровищницу мировую, отечественную», — оправдывается автор. И формулирует пять пунктов, которые не дали ему возможности возвыситься.

Ему возражают:

«...тем не менее, вы смогли создать до десяти крупных произведений, некоторые из них, на мой взгляд, граничат с ге-

ниальностью, вы стали музыкантом, певцом, художником, причем ничто вам не помогло, наоборот, все мешало, вас травили, вас разрывали несчастья...»;

«...вы дважды женились, не знаю сколько раз, во всяком случае, немало любили, чудесно любили!»

На поставленные вопросы автор отвечает стихами:

...Но часто в сумраке страданья
Мелькают блага бытия,
И только ради этой дани
Живу еще на свете я.

Люблю я ласковые зори,
Мне милы нежные цветы,
Туман в стыдливом, робком взоре,
Поэзии крутое взморье,
Тетради новые листы.

Приду ль к любимой на свиданье,
Поэму кончу ль набело,
И вот весны благоуханье
Ко мне ветрами занесло.

Я рвусь сквозь адовы сплетенья,
Просветы редкие ловлю,
Творю в минуты вдохновенья,
Пишу, пою в часы забвенья
И вечно молодо люблю!

Далее автор вспоминает свое полуголодное детство, нужды семьи, раннее повзросление, болезнь, унесшую жизнь близкого человека — брата.

«...Мы росли без отца, мама отчаянно билась в поисках хлеба насущного, если бы свалилась, мы стали бы нищими, несмотря на так называемое «доброе старое время». Но в революцию и гражданскую войну, как говорится, сам бог велел нуждаться, и мы нуждались, хронически и неизлечимо, не спасло положения и то обстоятельство, что мы с братом с ребячьего возраста уже были специалистами и работали по найму».

На вопрос, к какому классу он себя относит, «подсудимый» отвечает следующим образом:

«Вашему вниманию... был предложен русский интеллигент дореволюционного выпуска, изнывающий в поисках истины

даже тогда, когда истина маячила перед ним и сама протягивает ему руку.

Такие люди поражены хаосом старого мира..., им не за что хвататься, как это делают собственники, у них нет единства цели и воли, как у пролетариев, они живут и сгорают на сорном костре сентиментальных идей, являясь, таким образом, межклассовой или, как многие из них считают, надклассовой прослойкой общес

...Люди разделены на классы, классы борются... могучие волны, сталкиваясь между собой, дробят, испепеляют мелкие камешки, оторвавшиеся от больших подводных и береговых пород...

Эти оторвавшиеся, извините, мы — и заработать, приспособиться к жизни не умеем, и гнаться за современностью не хотим, и оказывается, милые мои, уклоняемся, катимся к вырождению.

Социалистический принцип: от каждого по способности, каждому по труду. И вот тут выяснилось, что я или мало способен, или бездельник. Мудрость проста: я сочинял лишь тогда, когда рвалось к тому сердце, я пел лишь то, что пела моя душа. И, значит, требовалось счастливое совпадение, чтобы моя песнь, мое сочинение оказалось тем, что желательно в данный момент режиссеру театра или редактору издательства.

В моих сочинениях ничего порочного, ничего враждебного. Боже сохрани! Это большей частью лирика или «мировая скорбь», но они — все мое «собрание сочинений» — не смогли стать иллюстрацией заранее изложенных тезисов.

Вот и вся мудрость остаться нищим. Я не мог быть иным, такова моя природа, такова моя душа».

Федор Сергеевич описывает, как он вглядывался в тайны бытия. «И вот мало-помалу я стал чувствовать залежи неведомого и неизвлекаемого, что скрыто в мире и людях, и стал вырастать где-то в подсознании неясный и вместе с тем во всем родной обзор человека души... Я с тех пор потянулся к нему и видел его в трагической тени моего отца, в Достоевском, в Лермонтове, конечно, и в Андрееве, позже — в Чайковском, в Скрябине..., а вот в Гончарове, Майкове, Некрасове, Римском-Корсакове — нет... Тень эта быстро на меня надвигалась, но в четырнадцатилетнем возрасте была на некоторое время отогнана увлечением толстовством.

Через годок-другой моей душой овладели идеи коммунистического интернационала и с ним оптимистические философские теории. Я был убежден, что коммунизм выведет человечество на дорогу и скажет: а теперь иди! Я был убежден, что расцвет — в основе всех законов живого мира.

Итак, если говорить об идеях, идея расцвета была самой значительной идеей моей жизни».

Ф. С. Готьян ушел из жизни как-то незаметно. Кажется, вот только вчера видели его, раскланивались. Увозили его в последний путь из музыкальной школы. На гражданской панихиде оркестранты филармонии исполняли классические произведения.

Сегодня в школе работают его ученики. Среди них, что мне особенно дорого и приятно — моя жена. Когда я захожу сюда и вижу милую сердцу детвору — вспоминаю свои юные годы, которые озарил своим светом мою любимый учитель.

Из поэтической тетради Ф. Готьяна

* * *

Призраки милые, призраки нежные,
Полосы алые, зори румяные...
Будет вам, будет бесплодной надеждою
Душу тревожить! Она уж поранена.
Будет! Рассейтесь, угасните, милые!
Долго мелькавшие,
долго ласкавшие...
Вечно далекие, неуловимые!

Сил уже нет, чтобы к радуге красочной,
К далям заманчивым, к облачку нежному,
В высь голубую взметнуться мне ласточкой,
Видно, пора мне уняться — мятежному.

Я позабуду мечту долголетнюю,
Вы ж убаюкайте долю печальную —
Дымкою легкою, тенью последнею,
Тенью последнею, вечною тайною.

31.12.43.

Воскресение

Воскресни, Господи, и вновь
Сияньем кротким осени
Ее угасшую любовь,
Ее развеянные сны!
Пусть глаз печальных бирюза
Искрится в сумраке моем,
С густых ресниц ее слеза
Спадет, напомнив о былом.

Хотя все тленно на земле —
И мир, и люди, и любовь —
Века скрываются во мгле,
Сердца стареют, стынет кровь...

Но есть воскресший Иисус,
Есть воскресение полей,
И пробужденье прежних чувств,
И вспышка новая огней.

Шумят ожившие леса,
Цветут сирень, ромашки, лен,
И вновь несется в небеса
Пасхальный, юный перезвон!

Я жду тебя... Приди! Приди!
Мне одиночество невмочь...
Я жду утраченной любви,
Как ждут Христа в святую ночь.

А. К. Ованесов

Судьба подарила мне незабываемые встречи с художником Ованесовым Акимом Карповичем и его женой Сусанной Арсентьевной. Характер этих людей, уклад их жизни уходят корнями в давние годы, в быт старого Нахичевана.

Будучи оба уже в пожилом возрасте, они притягивали к себе широкое окружение, особенно молодежь. Что за сила была в них заложена? Почему люди разных возрастов, социального положения непременно находили с ними общий язык, становились своими?

Со стороны Акима Карповича секрет заключался в особом искусстве живописца и мудрости мастера. И то и другое покоряло. Так же, как и само его творчество, народное с самого начала и прогрессивное в своем развитии. В нем нашли отражение кубизм, импрессионизм, модернизм, но главное, конечно, — реалистическая живопись. Для юных ровесников годов 50-х эти направления («измы») были не столько не понятными, сколько запретными. Для старшего же поколения квартира Ованесова являлась неким островком «вольнодумства», где они могли говорить с человеком, который получал радость в творческих муках и даже разочарованиях, пробуя себя в разных художественных стилях, шлифуя кисть, оттачивая творческое зрение, но пуще всего оберегая свободу.

Общение гостей с произведениями мастера заканчивалось всегда задушевными беседами за чашкой чая. Здесь первенствовала уже хозяйка дома. Отец ее был известным на Дону архитектором, работы его до сих пор радуют глаз своим великолепием и взяты под охрану государства. Имеется в виду особняк по 1-й Советской и 5-й улице — бывший дом «братьев-баптистов». Лепнина фасада, тонкая ажурная лепная отделка большого зала с хорами внутри, разве это не шедевр XIX века!

В квартире супругов Ованесовых имелась лишь единственная скульптурная работа — бюст Сусанны Арсентьевны. Жена позировала художнику и при создании крупнейшего из его полотен — «Мать». Замысел картины, написанной в 1917 году, навеян трагическими событиями из истории Армении: турецкая резня. Мать бежит в горы, стремясь спасти свое дитя. Около этого произведения можно стоять едва ли не часами, ибо кажется, что своим присутствием ты помогаешь мечущейся в го́ре женщине.

Сусанна Арсентьевна всегда была в курсе творческих замыслов мужа, подбирала нужную литературу, скрупулезно ее изучала, имела при этом свою точку зрения и была хорошим оппонентом и честным первым критиком. Не без споров, а иногда и коротких ссор, но окончательное мнение находили, к удовлетворению обоих. Кстати, Аким Карпович, будучи человеком рассеянным, творчески загруженным и отнюдь не дипломатом, многие свои деловые переговоры и всю переписку доверял жене.

А. К. Ованесов родился в городе Нахичевани в 1883 году, образование получил в Пензенском художественном училище. Руководителем и ведущим преподавателем был здесь извест-

ный русский художник К. А. Савицкий. Ованесов этим очень гордился и постоянно подчеркивал свое ученичество.

По возвращении в Нахичевань Аким Карпович регулярно участвовал в городских художественных выставках и преподавал в рисовальных классах, где близко сдружился с М. С. Сарьяном. В годы революции и гражданской войны на Дону активно работал в области агитационно-массового искусства, в последующие годы занимался оформлением книг в издательствах Северного Кавказа.

Творческая общественность избрала А. К. Ованесова первым председателем Ростовского отделения Союза советских художников в 1938 году. В этот период он работает в жанре политического плаката, пишет исторические картины, портреты современников и пейзажи. В 1943 году создает многофигурное полотно, рассказывающее о жизни донских колхозниц, а также ряд произведений на темы фольклора — «Иван да Марья», «Шабаш ведьм», «Симфония».

Писал Ованесов много и, как показало время, значительно. После освобождения Ростова-на-Дону от немецких захватчиков он задумал и написал два варианта «Взятия Ростовского вокзала». Этому предшествовала большая, кропотливая подготовительная работа, преимущественно эскизы и наброски, непосредственно на развалинах. Встреча с героем, возглавлявшим отряд освободителей, Гукасом Мадояном, впоследствии переросла в добрую дружбу. Каждый раз, когда почетный гражданин города Герой Советского Союза Мадоян приезжал в Ростов, он непременно навещал дом Ованесовых...

Для меня, молодого парня, студента медицинского института, Аким Карпович был примером творческого труда, служения отечеству. Вспоминаю день, когда он за чаепитием поведал о своем намерении написать Микаэла Налбандяна. Драматически складывалась жизнь поэта-демократа, но самым тяжким в его судьбе виделся Акиму Карповичу день ареста. В течение нескольких лет художник готовился к написанию полотна, подбирал натуру. Ходил в гости к людям, где могли сохраниться вещи, мебель того времени. И находил! Например, у нас в доме обнаружилась скатерть, принадлежавшая еще... прабабушке.

Мне Ованесов предложил позировать Налбандяна, найдя сходство с типажом. А после окончания работы преподнес мне в дар мой портрет, сделанный пастелью.

Отбирая натурщиков, Аким Карпович обнаружил двоих ста-

риков, в прошлом жандармов царского времени. Обрядил их в униформу и стал ставить перед ними задачи, воссоздавая реальную обстановку ареста. Выполняющий роль жандарма преображался на глазах. На его лице появилось, я бы сказал, кровожадное выражение. Мне он был крайне неприятен, и я с особенной гордостью выстаивал свой час позирования.

Затем, сколько я ни приходил к Акиму Карповичу, полотно было закрыто. Наконец наступил долгожданный момент, с картины сняли покрывало. Общей радости не было конца. Теперь, периодически посещая музей русско-армянской дружбы в Сурб Хаче, я подолгу стою перед картиной, смотрю на Налбандяна с цилиндром в руке, вижу себя в юности и вспоминаю невозвратное, такое дорогое время...

Творчество А. К. Ованесова высоко ценил Мартирос Сергеевич Сарьян — за красочность полотен, особенную выразительность образов, за неразрывность искусства автора с родным Нахичеванем, с жизнью донского края. Дважды Мартирос Сергеевич устраивал выставку произведений Ованесова в Ереване, а на ростовской, в областном выставочном зале, мне удалось побывать лично. Для многих любителей прекрасного это стало событием. В больших хорошо освещенных залах полотна смотрелись особенно своеобразными, не похожими на заказную живопись, которая в то время практически доминировала. И, конечно, в центре внимания были «Мать», «Шабаш ведьм», «Взятие Ростовского вокзала», «Арест Налбандяна».

Думалось — и оправдалось: это была последняя выставка творческой четы. Время неумолимо брало свое. Лебединую любовь и верность супругов прервал уход из жизни Акима Карповича. Вскоре угасла Сусанна Арсентьевна, да иначе и не могло быть. Прощаясь, друзья вспоминали ее шутливую просьбу: в день похорон вылить на нее остатки французских духов, сохранившихся еще со свадьбы.

Со смертью Сусанны Арсентьевны ушли картины по родственникам. Очага не стало, огонь погас, Будучи в Ереване, я встречался с Сарьяном. Он сказал много добрых слов в адрес Акима Карповича, говорил о преданности художника донскому краю, Нахичевану и его людям. Оказывается, Акима Карповича неоднократно приглашали в Ереван, предлагали мастерскую, престижную работу, загранкомандировки, а он от всего отказывался и писал «Казачек Дона».

Беседу со мной мудрый мастер закончил на чистом литературном армянском языке.

Г. Б. Тусузов

В годы 50-е телевизор в доме был тем же событием и так же впечатлял, что и первый кинематограф, когда человек увидел движущийся поезд на экране. К владельцам телевизоров приходили знакомые и малознакомые люди, набивали комнаты до отказа. Каждый эпизод на экране пристально рассматривался, запоминался и детально обсуждался дома и на работе.

Стало традицией собираться в субботний вечер у телевизора и смотреть «Голубой огонек». Всю неделю ждали встречи с актерами, певцами, интересными людьми, новыми песнями, со звездами эстрады.

В одну из таких передач за столиком на экране появился маленький, с блестящей лысиной, с большой, несоразмерной росту, головой человек. Почти сразу он погрузился в сон, периодически пробуждался, испуганно взирал по сторонам и вновь засыпал. Все это — на фоне живого зрелища и нашего веселья. Казалось, этот человек пришел сюда из прошлого времени, случайно стал гостем «Голубого огонька».

В нашей семье его узнали, он действительно был из давнего времени, в ту пору ему уже было далеко за 70. Это — Георгий Баронович Тусузов, старейший актер московского Театра сатиры.

В памяти всплыл образ его сестры, Елизаветы Бароновны Тусузовой, высокообразованной, прекрасно воспитанной благородной женщины, пользовавшейся заслуженным уважением и доверием нахичеванцев. Рано лишившись мужа, она осталась без средств к существованию с глухонемым ребенком на руках, не растерялась, стала работать, была полезной людям и своему сыну.

Шел 1915 год, в мире было неспокойно. Османская империя устроила резню армян. Толпы беженцев устремились на территорию православной России, русский народ по-братски пришел им на помощь, принял обездоленных, оказал посильную помощь и поддержку.

Значительная часть армян получила жительство в городе Новый Нахичеван. Армянская община создала комитет по оказанию помощи беженцам. В этот комитет была приглашена Елизавета Бароновна. Порученному делу отдавалась целиком, самоотверженно работала от зари до зари, проявляя чудеса милосердия. Потерявших родину людей нужно было рассе-

лить, накормить, помочь им найти своих родственников, чудом спасшихся, обучить русскому языку, ремеслу. Люди почувствовали внимание, заботу — потеплели. Душой общества помощи являлась Елизавета Бароновна.

С приходом Советской власти на Дон Е. Б. Тусузова участвовала в организации школы глухонемых, преподавала в ней вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Сын ее оказался одаренной, незаурядной личностью, имел яркий талант художника, занимался художественной фотографией, спортивной гимнастикой. Елизавета Бароновна помогла сыну и невестке, тоже глухонемой, воспитать троих внуков. Впоследствии они стали замечательными, достойными своей бабушки людьми. Старший и средний внуки — полковники, внучка пошла по стопам бабушки, окончив МГУ, возглавила школу глухонемых.

Встреча на телевизионном экране с Георгием Бароновичем Тусузовым воскресила рассказы его сестры —в долгие зимние вечера, которые мы вместе коротали при свете коптилки, в тяжелые дни оккупации фашистами нашего города. Вспоминала она эпизоды своей жизни и, очень часто, — своего любимого брата Егорушку, который ушел из дому с труппой актеров «Синяя блуза», бросив карьеру адвоката.

С Георгием Бароновичем я встретился в 1978 году, в первый (и последний) раз в своей жизни, когда он с прославленной труппой Театра сатиры приехал в город своего детства. Жены и детей у него никогда не было, семью ему заменил театр.

Каждое представление начиналось прологом — выходом на сцену «театральной реликвии». Тусузов обращался с приветствием к жителям Ростова, города, где он родился, где прошли его детство и юные годы.

Тусузов очень обрадовался нашей встрече, мы сразу сблизились. Как врачу, он признался мне, что тяжело болен. Но как тщательно готовился Георгий Баронович к каждому выступлению, волновался, внутренне как-то преображался, придирчиво осматривал свой костюм и шел приветствовать зрителей, тепло и со свойственным ему юмором. В дни гастролей обошел знакомых, посетил все дорогие его памяти места.

Мне выпала честь сопровождать его на машине по городу и окрестностям. Более интересного гида я еще никогда не встречал, да и, пожалуй, не встречу. Все он знал досконально — как было — и мог сравнить с тем, что стало. Он смот-

рел на окружающее глазами «человека из прошлого». Подробно рассказывал историю улиц, кварталов, зданий, а главное, говорил о людях, живших в прежние времена. От него я подробно услышал о Нахичеванском театре, о том, кому принадлежала идея его строительства, роли меценатов в этом деле, об актерах и их судьбах. Узнал то, что практически невозможно прочесть в книгах.

Особое место в тусузовских рассказах о театре отводилось акустике зрительного зала. Видимо, он как актер это очень ценил и помнил. Специально проведенные строителями расчеты. использование опыта древних зодчих, амфоры, вмонтированные в стены бельэтажа, создавали прекрасный акустический эффект. Даже шепот со сцены был слышен в самых дальних рядах. Опыт мастеров, тысячелетней давности, сработал безошибочно.

Интересен для построек того времени пол зрительного зала: наклонная часть специальными подъемными устройствами поднималась до уровня сцены, представляя единое целое. Огромный красивый зал использовался горожанами для балов, благотворительных вечеров. Стены фойе были расписаны картинами — мифологическими сюжетами, была портретная галерея выдающихся драматургов. К сожалению, все это сейчас находится под слоем краски...

Посетили мы с Тусузовым дом адвоката Чубарова — актера, мецената. Показал Георгий Баронович дом своего детства, окно своей комнаты. От предложения посетить комнату категорически отказался и рассказал смешную и поучительную историю. Однажды, проездом через Ростов, он посетил дом и попросил разрешения хозяина квартиры взглянуть на свою комнату. К удивлению, здесь все сохранилось так, как было в день отъезда из города. Сказал гость об этом хозяину. Тот испугался и стал выторговывать у него мебель, вещи. Георгий Баронович объяснил, что ему ничего не нужно. Тогда хозяин квартиры потребовал расписку, в которой было бы сказано, что Георгий Баронович больше никогда не зайдет в квартиру, а мебель оставляет в подарок. Данному слову Тусузов оказался верен, хотя и не знает, жив ли тот хозяин...

Проезжая мимо базара, Тусузов попросил остановиться. Базар был закрыт, но дежурный милиционер распорядился открыть двери. Георгий Баронович крайне удивился тому, что места, где прежде находились великолепные сухие подвалы, оказались под асфальтом. Прохаживаясь по базарной площади, которая мало изменилась, он, видимо, вспоминал себя

мальчиком и теперь «представлял» его, по-актерски преображаясь, забывая, что ему за 90. Поблагодарил уважительного, внимательного милиционера, пожелал охранять этот участок не только от воришек, но, главное, от людей безнравственных: «На этой площади, молодой человек, кормились, встречались, помогали друг другу люди многих поколений, ее надо крепко беречь и сохранить».

Побывали мы в Сурб Хаче, живописном месте, месте отдыха нахичеванцев. Подошел Георгий Баронович к роднику, испил воды, умылся ею, сказал, что вода здесь столь же прекрасна, как и в дни его молодости.

Поклонился могилам Патканяна, Налбандяна и Аламдаряна. Побывал в храме, который чудесно реставрирован и представляет сегодня музей русско-армянской дружбы. Смотрительница показывала экспонаты музея и, как умела, скорее, неумело, комментировала их; он же старательно ее поправлял, она удивленно произносила: «Да?!»

Кульминацией этого посещения явился рассказ смотрительницы о развитии театрального искусства в Нахичевани. Она говорила, а Тусузов внимательно вглядывался в лица людей своего поколения, фотографии былых друзей. Подойдя к периоду деятельности актера Тусузова, музейная дама стала сообщать совершенно неправдоподобные вещи. Он слушал терпеливо, пока она не сказала, что актер Тусузов давно умер, а сын его, тоже известный артист, играет эпизодические роли в Театре сатиры. Этого он не выдержал. Весь пришел в движение, стал заразительно смеяться. Смотрительница ничего не поняла, решила, что старик «спятил» и поспешила уйти. Он удержал ее, сказал, что вот он, жив, этот архивный человек, и желает, к тому же, сделать некоторые замечания к экспонатам. Женщина стояла на своем, утверждала, что старый актер мертв давно и что об экспозиции ученые все знают. Так и остались в музее экспонаты с «поправками» ученых.

Георгий Баронович побывал на левом берегу Дона, посмотрел на город со стороны реки. Рассказывал, как любил в детстве бегать сюда купаться. Порадовался за ростовчан, что эта зона стала местом отдыха для трудящихся. Неожиданно спросил, а продается ли здесь шашлык? Нашли «злачный» уголок, где около огромных размеров бочки жарилось мясо. Видно, здесь собиралась довольно-таки сомнительная публика, женщины были навеселе, подъезжали на своих машинах любители острых ощущений. Георгий Баронович смело пошел тараном на очередь и, к моему удивлению, перед ним расступились,

а шашлычник узнал в нем известного актера, предложил удобнее расположиться, с видом на Дон, и тут же принес роскошные порции шашлыка.

Ел он с большим аппетитом, выказывая знаки внимания к шашлычнику. Все мои намеки на то, что мясо недожарено, что затея может плохо кончиться, не имели успеха. От предложения зайти к нам домой, где жена приготовила праздничный стол, деликатно отказался. Смеясь, сказал, что не был женат и не привык к домашней кухне, всю жизнь питается в столовых и ресторанах. (Спустя десять лет после нашей встречи мне довелось читать в рассказах С. Образцова, что не стоит бегать от инфаркта, жить какой-то особой жизнью, для себя, что это не возвратит молодость, а только принесет вред. И приводил в пример Георгия Бароновича Тусузова, который никогда не был женат, не имел детей, ел только в ресторанах и столовых, не занимался спортом, но имел светлую голову и прожил более девяноста лет творческой жизни актера).

В последний день нашей с ним встречи мы побывали на заброшенном старинном армянском кладбище, где покоится прах тех, кто основал Нахичеван и чьими именами гордились горожане. Тусузов постоял около могилы Акюлине Аладжалян, на средства которой были построены кладбищенская церковь и дом престарелых, долго сидел у могилы своей сестры. Рассказывал о людях, здесь покоящихся, — эмоционально, с интересными воспоминаниями, яркими характеристиками. Тем и закончились его воспоминания.

А город жил своей жизнью, вечерами многие устремлялись на спектакли и встречи с актерами. Только и было разговоров, что об увиденном и услышанном. Говорили, что театр привез какого-то старичка, который родился и долгое время жил и работал в Ростове, актеры называют его своим талисманом, без него не начинают своих спектаклей.

Любили коллеги Георгия Бароновича и с уважением относились к нему, к его старости и немощности. Завидев меня в вестибюле гостиницы, мимо пробегавшие совсем юные актеры считали своим долгом сообщить, как себя чувствует Георгий Баронович, есть ли у него вечером спектакль и т. д. Жил он в хорошем номере гостиницы «Интурист», на письменном столе лежала рукопись новой пьесы, в которой ему было предложено играть роль старого актера цирка. Его не забывали драматурги, режиссеры.

Перед отъездом труппы из Ростова Георгий Баронович за-

ехал-таки к нам домой на такси, привез букет роз, поблагодарил жену, семью за внимание, которое ему было оказано.

И еще несколько лет на экранах телевизоров мелькало лицо Георгия Бароновича, то дремлющего, то пробуждающегося и с крайним удивлением взирающего на окружающих. С высоты прожитого он имел право удивляться многому, происходящему в нашей стране, но всегда был благодарен своей чрезвычайно интересной творческой судьбе.

Радостно, что прославленный коллектив смог сохранить свою реликвию, свой «талисман», человека, актерская жизнь которого начиналась еще до революции, у которого, кроме служения искусству, не было ничего более дорогого на свете.

М. Г. Хачумов

В каждом городе есть свои знаменитости, имена которых со временем приобретают очертания легенды. Одной из таких фигур был нахичеванский скрипач Мирон Хачумов, в народе просто Мирончик.

Небольшого роста, коренастый, с крупными чертами лица, нос с горбинкой, большой открытый лоб под тщательно зачесанными редкими волосами, добрые карие глаза. Смеялся по-детски заразительно. Обращали на себя внимание руки — большие, сильные, никак не отличающиеся изяществом. Он гордился своей природной силой, мог (и в преклонном возрасте) поднимать большие тяжести, гнуть гвозди пополам. Когда брал в руки скрипку или садился за рояль, мгновенно преображался. Способность очаровывать слушателей своим исполнением была присуща Мирончику с раннего детства. Частенько в летнее время он, катаясь с приятелями в лодке по Дону, играл на скрипке. Множество нахичеванцев тотчас собиралось на набережной, чтобы послушать юного исполнителя. Точно улавливая настроение слушателей, блестяще импровизировал. Играя старикам, например, подражал звучанию старой шарманки, некогда царствовавшей в Нахичеване. А для изысканной публики переходил на пианиссимо... Более всего его влекла народная музыка, старинные мелодии, принесенные армянами на донскую землю еще с родины их прадедов.

Но, будучи человеком интернациональным, любил исполнять еврейские народные песни, азартно играл румынские

и венгерские мелодии, татарские и украинские, был признанным мастером русского романса.

Мирончик поклонялся женщинам и детям. Часто можно было видеть его с роскошным букетом цветов — это он направлялся в дом, где была женщина, неважно какого возраста, хотя бы и старушка. Ребятишки прямо-таки льнули к нему.

Живя уже в Москве (учился там в консерватории, там и женился), играл в джаз-оркестре под управлением Бориса Ренского, в гостинице «Метрополь» и в кинотеатре «Уран», перед сеансами. Улицы, кварталы, достопримечательности столицы изучил настолько, что потом, когда описывал их друзьям годы спустя, создавалось впечатление, будто он только оттуда.

С первых дней войны был мобилизован на фронт, воевал до Победы. Вернувшись в Ростов, стал руководителем оркестра в ресторане «Деловой двор». Снова зазвучали произведения Штрауса, Кальмана... и, особенно пронзительно, песни военной поры, солдатские песни. Под окнами ресторана собиралась толпа слушающих пенье и плач его скрипки.

В свободное время занимался садоводством, выращивал виноград и, с заботливой нежностью, розы и щедро раздаривал их.

Дожив до глубокой старости, он сохранил душу ребенка. Под Новый год совершал неизменный ритуал: украшал дом гирляндами, цветными ажурными лампочками, наряжал елку. Гостей угощал щедро. Всю жизнь собирал значки, знал в них толк и имел замечательную коллекцию.

Детвора, всегда вертевшаяся вокруг него, жадно слушала интереснейшие истории, в которых у него никогда не было недостатка. Так, рассказывал он случай, пришлось ему однажды всю ночь играть... на кладбище в склепе известному ростовскому бандиту по кличке Медик. Было это в 20-е годы. Возвращался как-то он вечером домой со дня рождения, со скрипкой. Остановили его трое, наставили нож и приказали идти с ними, пообещав, что не тронут. Привели на кладбище, в склеп миллионера Эзекова. Всю ночь играл Мирон Георгиевич песни по заказу. Под утро главарь щедро отблагодарил его, дал двух провожатых, не без грусти простился. Видимо, чувствовал свой конец. И действительно, вскоре сообщили, что Медик пойман. Рассказывая об этой страшной ночи, Мирон Георгиевич весело смеялся.

Из композиторского творчества Хачумова после его смерти, к сожалению, осталось немногое — записи он не берег...

Ушел из жизни Мирончик, обеднела с его уходом старая нахичеванская песня. Кто возродит ее?

А. Г. Кинокциян

Те, кто знают Ростов 50—60-х годов, непременно вспомнят встречавшегося ими на городских улицах человека — средних лет, высокого, склонного к полноте, с открытым лицом, большелобого, с небогатыми, но красивыми светло-каштановыми с проседью волосами, с карими добрыми, умными, улыбающимися глазами. Одежда непритязательная, но с явными признаками художественности. Звали его ласкательно, между собой, да и в прямом к нему обращении — Ашотик.

Идя по улице, он раскланивался, приветствуя частых знакомых, улыбался своей неповторимой улыбкой. В нем чувствовались сила и недюжинный ум, он всей своей статью словно говорил: вот, смотрите, каким должен быть настоящий мужчина!

Ашот Георгиевич Кинокциян был единственным ребенком двух уже немолодых, связанных романтической любовью людей — Евдокии Ивановны, болгарского происхождения, и армянина Егора Ивановича. Сын унаследовал от родителей рассудительность и пылкость натуры, редкие математические способности и доброту, доходящую до наивности.

Предки Ашотика были родом из Арзрума, пережили трагедию резни армян, бежали и нашли приют на донской земле. Жили Кинокцияны большим кланом недалеко от старого базара, в сухом подвальном помещении. Занимались ремесленничеством, столярным делом и мелкой торговлей.

Отец Ашота Георгиевича выделялся среди родственников не только внешними данными — высоким ростом, физической мощью, смуглой кожей, но и приметами натуры — смекалкой, благородством души, высокой порядочностью. Был фигурой заметной — мастер-краснодеревщик. Предпочитал и коллекционировал столярный инструмент фирмы «Золенгер». Был щедр, подельчив, милосерден. Дочь своего двоюродного брата, мою мать, оставшуюся сиротой в раннем детстве, защищал от обид, воспитывал. Через всю жизнь она пронесла любовь к нему и благодарность.

К радости Георгия Ивановича его наследник рос умным, талантливым человеком, Уже в шесть лет играл в шахматы, поз-

же занимался математикой в группе одаренных детей. На музыкальные способности ребенка впервые обратил внимание мой отец, услышав однажды, как он подбирает самостоятельно незатейливую мелодию на мандолине. К совету отца прислушались родители Ашотика и отдали его учиться по классу скрипки.

Может быть, это было и провидением судьбы — но ученье музыке помогло семье на ближних крутых поворотах. Доверчивый Георгий Иванович оказался в беде, был арестован и сослан. Жену и сына выслали за пределы страны, в Иран. Многое пришлось пережить им на чужбине — не имея ни специальности, ни средств к существованию, Евдокия Ивановна стирала белье, готовила пищу на продажу, а подросток Ашотик подрабатывал игрой на скрипке в харчевнях.

По возвращении в Советский Союз Ашот поступил в известный в Армении эстрадный оркестр под руководством Айвазяна, дружил с молодым талантливым пианистом Орбеляном, впоследствии прославленным дирижером, руководителем оркестра. В Ростове — играл в оркестрах цирка, кинотеатра. Закончил музыкальное училище и поступил в Харьковскую консерваторию. Годы учебы сочетались с работой. После окончания консерватории Ашот Георгиевич был принят на постоянную работу в музыкальное училище, где имел свой класс. Вскоре стал завучем, бессменным, душой сложного, противоречивого коллектива. Делу отдавался целиком и полностью, заменяя, по теперешним меркам, целый штат канцелярских сотрудников. Музыкальное училище в послевоенные годы находилось в помещении Дома актера, где под занятия отводились даже лестничные клетки и пролеты. Можно представить, каково было завучу разместить классы и составить расписание на семестр!

В трудные послевоенные годы в училище приходили поборники настоящего искусства, голодные, холодные, но стремящиеся познать и найти себя. Для молодых преподавателей и студентов А. Г. Кинокциян был старшим товарищем, с которым можно было посоветоваться, признаться в своих слабостях, поделиться душевными исканиями.

Потом была любовь, женитьба на молодой привлекательной актрисе Лилии Соколовой. Их дом стал постоянным местом встреч актеров театра имени М. Горького. Собирались после спектакля, порой до 2—3 часов ночи обсуждали сыгранную пьесу. Рядом с Ашотиком сидела его мать Евдокия Ивановна, так и не вернувшая потерянные после скитаний на чужбине силы, но счастливая судьбой единственного сына.

Жизнь входила в свои берега. Родилась дочь Катенька.

Пришел в мир новый человек. Но — ушла из жизни Евдокия Ивановна. После смерти матери Ашот жаловался на ощущение одиночества, грустил, говорил о быстротечности времени. Мне казалось, он торопился успеть сделать больше добра людям — друзьям, близким. Его служение профессиональному долгу переросло в подвижничество. Каждого публичного выступления А. Г. Кинокцияна аудитория ожидала с особым нетерпением, ибо это было откровение, слово о сокровенном, призыв к музыковедам, искусствоведам, педагогам позаботиться о духовном наследстве для новых поколений. Он умел хорошо говорить — ненавязчиво, разряжая серьезные свои сообщения уместной шуткой, тонкой остротой. Его мысли слушатели воспринимали как свои собственные, только не высказанные, не выкристаллизовавшиеся. Да, в нем было искусство оратора...

Ашот Георгиевич умел чувствовать время и умел определять людей, которые этому времени понадобятся. Обрела реальность его мечта об открытии в музучилище эстрадного отделения. И мало кто знает: Кинокциян своего рода основоположник джаз-оркестра под управлением Кима Назаретова. Этот прославленный коллектив известен не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Именно Ашот Георгиевич первым заметил особую одаренность пианиста, преподавателя музыкального училища, своего воспитанника и друга, глубокое знание им стилей мирового джаза.

Диапазон эрудиции Ашота Георгиевича был поистине безграничен. Знаток шахматной школы, он поддерживал дружеские отношения со многими прославленными гроссмейстерами. С его мнением считались в театральной среде, с ним советовались видные режиссеры и крупные актеры.

И при этом — ну, разве не особая черта натуры! — тяга к новому знанию. Помню, как-то, мимоходом, зашла речь о выдающемся хирурге виртуозе С. С. Юдине — скрипачи высказывались, что хирургия отняла в его лице великого музыканта, художники сетовали, что не состоялся талантливый живописец, литераторы славили его перо («Этюды желудочной хирургии» яркое тому доказательство). Ашотик узнал, что у меня имеются только что вышедшие воспоминания о великом хирурге, написанные близким другом — врачом, долгие годы работавшим с ним. Книгу эту Кинокциян взял, и не просто прочитал, но буквально проштудировал, выделив такие детали, мимо которых спокойно прошли бы многие специалисты.

Долгие годы Ашот Георгиевич дружил с профессором хирургом Б. С. Гутниковым, который сам в молодые годы закон-

чил консерваторию по классу фортепьяно, прекрасно исполнял произведения Шопена. Много приятных вечеров они провели вместе, обогащая друг друга, испытывая взаимную радость общения. Близкие отношения, на уровне семейной дружбы, сложились у него с профессором педиатром М. Я. Евтотьевой, высокообразованной женщиной, увлекающейся живописью, музыкой.

Однако не меньше нравились Ашоту Георгиевичу встречи с простыми людьми, без ученых званий, а порой, и вовсе без образования. Он ценил в них искренность и прямоту суждений, отсутствие какого бы то ни было высокомерия. Для таких он был «наш Ашотик», был другом, сыном. Таких семей я знал две. Ашот любил их, с особой щедростью помогал при необходимости. Для него было святой обязанностью вдохновить упавшего духом, вселить веру в успех, в будущее.

О себе практически не заботился, жил буквально сгорая. Перенесенный в юношеские годы ревматизм, изнурительный, не по возрасту, труд на чужбине давали о себе знать, стало пошаливать сердце. Были частые приступы обострения, но не было систематического лечения. Как-то, в одно из обострений, я собственной волей привел к Кинокцияну опытного профессора Иванова. Пациент лежал на тахте, как большая подстреленная птица. «Ашотик, — сказал старый доктор, — ваши дела неважны. Вы должны заняться собой и иметь более спокойный, размеренный образ жизни, вы должны пожалеть свое больное, утомленное сердце, хорошо послужившее вам».

Пророческим предупреждениям профессора Ашотик не внял. Себя не пощадил, сердце не пожалел. Лишь удвоил, утроил заботы о Катеньке, горячо любимой единственной дочери. Она уже тогда была красавицей — белоснежная кожа, светлые с рыжеватым отливом волосы, миндалевидные большие карие глаза, а главное — неповторимая обаятельная отцовская улыбка. Много сил, наверное, последних, Ашотик употребил на благоустройство квартиры, думал о будущем семьи, дочери.

Смерть пришла внезапно. Вернулся домой после очередного трудного рабочего дня — вновь распутывал какой-то клубок противоречий. Отдохнуть не удалось, шел капитальный ремонт квартиры.

...Он лежал весь в цветах, на сцене училища. Оркестр филармонии, практически все его друзья, играл траурную музыку. Пел студенческий хор. В фойе висел увеличенный портрет Ашота Георгиевича. На нем он как живой: в шляпе, с трубкой

во рту. Фотопортрет был выполнен одним из студентов (эта работа потом на конкурсе получила первое место).

С фотографии нам улыбается живой Ашотик, этой улыбке уже никогда не состариться.

И. С. Чардаров

У времени есть свойство: сообщая нам новую информацию, обогащая иными впечатлениями, оно вымывает из памяти имена, факты, детали прошлого. Не всем удается противостоять этому. В числе немногих иных — Иван Сергеевич Чардаров.

Иван Сергеевич практически единственный, кто даст предельно точный, энциклопедически верный ответ на любой вопрос из истории города Новый Нахичеван: быт, нравы, биографии домов и улиц. Все, о чем не прочтешь ныне в книгах, не услышишь изустно (ушли старожилы!) — подробно и обстоятельно расскажет и разъяснит вам И. С. Чардаров.

Десятки лет он накапливал сведения, скрупулезно, глубоко изучая литературу, общаясь с людьми, ведя личную переписку со знатоками. Ему, историку и краеведу, пишут академики, профессора, работники искусства и просто собиратели старины.

Скромный, тихий человек, Чардаров восставал против «вандалов века». Отстаивал будущее красавца театра, Сурб Хача, защищал честных людей от нападок и притеснений. Каждое его выступление, публикация в прессе — патриотическая акция, призыв сберечь если не все, то хоть оставшееся культурное богатство. Действует Иван Сергеевич не только словом. Он вооружен историческим знанием, аргументами исследователя. Возьмем, скажем, монастырь Сурб Хач, не только очаг культуры — памятник просвещения. Сегодняшний музей является своеобразным пантеоном, здесь погребены останки выдающихся сынов Армении. Имена их известны — но все ли? Чей еще прах покоится под слоем асфальта? Пока ученые, работающие в музее, занимались другими проблемами, Иван Сергеевич провел собственное исследование, поднял и этот пласт, создал схему поименного захоронения.

Именно к Чардарову обратились в период реставрации Сурб Хача архитектор Марк Владимирович Тер-Григорян и инженер-строитель Н. И. Хафафян в поисках утраченных деталей фасада, ограды, интерьера. И получили от краеведа сохранив-

шиеся у него старые фотографии, рисунки и, конечно, подробную консультацию.

Радует ростовчан и гостей города реставрированный Нахичеванский театр (ТЮЗ), созданный некогда городским архитектором Дурбахом, построенный на пожертвования меценатов. Иван Сергеевич знал, что зодчему не хватило средств на окончательное завершение творческого замысла. Автор проекта оставил в чертежах то, что следовало бы сделать потомкам: подсобные и складские помещения, артистические уборные, комнаты для репетиций. Чардаров начинает цикл публикаций. Приводит факты мародерства: «любители старины» вырубили из интерьера головки львов, вылитые из бронзы; такие поныне украшают вход по лестнице в фойе второго этажа, но только без одной, украденной, а могли бы исчезнуть — все. Другие факты, уже без элементов преступности, но не менее печальные: реставраторам не удалось спасти разрушенные временем огромные зеркала и писанные маслом настенные изображения классиков драматургии. Не сохранилась самобытная акустика зрительного зала. Но специалисты, общественность, в хоре которой так значителен чардаровский голос, сделали свое дело. Мы имеем великолепный современный театр, сохранивший в своем облике черты прошлого.

Интерес многих вызвала публикация-монография Халпахчьяна об архитектуре старого Нахичевана. Консультантом у него тоже был Иван Сергеевич Чардаров, он как бы направлял и поиск, и мысль автора к наиболее интересному в бесконечных напластованиях прошлого. Работая над вторым изданием книги, Халпахчьян вновь обращался к своему бескорыстному советчику.

Начиная свою скромную исследовательскую работу, и я не прошел мимо искушения обратиться к старому краеведу. Первое, что он сделал, дал мне подробное толкование названия города — Новый Нахичеван, причем признался, что ему легче рассказывать, нежели писать, но для меня делает исключение. Это были не просто записки, а краткое, но подлинное исследование. Общаясь с ним далее и подолгу, я получал редкостный дар — информацию о том, о чем, повторяю, уже не услышишь и, конечно, не прочтешь. Кстати, друг Чардарова — Иван Иванович Морозов, проживший всю жизнь в Нахичевани, сообщил мне, что Федор Сергеевич Готьян написал и единственный раз поставил пьесу «Интеллигент», за что поплатился большими неприятностями городских властей. Матушка Ивана Ивановича была на этом спектакле и с восторгом рассказывала о нем своим детям. Морозов с грустью признавался,

что тоскует по старому Нахичевану, по его дворникам в кипенно белых халатах, по мощеным мостовым и колокольному звону.

Напомню также сообщения Ивана Сергеевича Чардарова об истории самого древнего в Ростове армянского кладбища: как создавался парк, какими сортами деревьев была засажена его территория, как располагались аллеи, а названия они носили такие — липовая, каштановая, дубовая, сосновая. Утверждал Чардаров, что эти, самые старые, посадки в Ростове-на-Дону имеют научную ценность, им более ста лет, и подбор их придает особый колорит дендрарию. Уже одно такое повествование призывает к человеческой совести, к необходимости наведения порядка в незаслуженно заброшенном месте, последнем приюте навсегда простившихся с нами. Иван Сергеевич упорно работает над созданием планшета территория кладбища, точным обозначением мест захоронения видных людей города, служивших верой и правдой своему народу.

Низкий поклон и благодарность Ивану Сергеевичу Чардарову. В таких энтузиастах я вижу спасение общества от духовного обнищания, от безверия и равнодушия.

С. Е. Мелконов

Благо человеку, если он рождается «своевременно», в свой век, не опережая и не отставая от него, а как бы вливаясь в него и становясь истинным представителем своего времени. В противном случае, жизнь для него самого явилась бы тяжким испытанием. Благо и тому, кто, отставая от своего времени, живет прошлым, постоянно обращен к нему. Мы, в большинстве, спотыкаемся о него, утешаясь добрым, что оставили наши предки, и тяготясь иным наследием. И, наверно, особенно тяжко человеку, которому задано заглядывать в будущее.

Мне довелось встречаться с человеком, живущим, на мой взгляд, в трех измерениях. Не только в мире музыки — поскольку речь идет о пианисте, композиторе, преподавателе — Мелконове Серафиме Емельяновиче.

Типичный представитель нахичеванской интеллигенции. хранитель лучших традиций в укладе и образе жизни, в чувствах, отношении к окружающим, к своему долгу, к народу и, наконец, к родине. Интернационалист — по своей сути.

Получив блестящее воспитание в патриархальной нахиче-

ванской семье, высшее музыкальное образование, он самозабвенно и бескорыстно служит всевозвышающему искусству.

Всю жизнь живет в доме, на спуске к Дону по 29-й линии, некогда выстроенном отцом, известным в Нахичеване гидроинженером; его же детище, подарок горожанам — водокачка на Зеленом острове. Серафим Емельянович хранит любовь к искусству мастеров, которые создавали неповторимое. В доме до сих пор голландская печь с узорами, расписными кафельными зеркалами — в трех комнатах — и с топкой в четвертой, обогревает все жилое помещение. Хотя в доме имеется центральное водяное отопление...

Письменный стол с действующими моделями машин на нем, принадлежавший старшему брату, крупному научному работнику, изобретателю, занимает то же, что и в былые времена, место. В бывшей детской комнате рабочий кабинет с нотной библиотекой, фортепиано, фотографиями на стенах в память о встречах с людьми, которые являются гордостью России — Глиер, Гнесин, Готьян. Есть фото любимых учеников С. Е. Мелконова, видных музыкантов.

В этом кабинете навсегда поселился дух творчества. Здесь маэстро в течение долгих часов оттачивает мастерство пианиста, здесь создаются произведения, уносящие нас в прошлое, погружающие в раздумья о настоящем и будущем.

В столовой, как и когда-то прежде, стоит старинный раздвижной стол, персон на 20—30, за ним ведутся задушевные беседы с друзьями, за чашкой чая с традиционными нахичеванскими изделиями из теста.

С. Е. Мелконов, человек с душой лирика и натурой созерцателя, сугубо мирный, в первый же час объявления войны пошел на призывной пункт, стал в строй и с оружием в руках защищал мирную жизнь, Отечество.

Вернувшись с фронта, сразу же занялся своим любимым делом — педагогикой. У многих мальчишек погибли отцы на фронте, в доме голод, нищета. Их он привлекал к себе, обогревал, врачевал музыкой, останавливал от беды, широко открывая двери своего дома и класса. Многие стали известными музыкантами, дирижерами, руководителями прославленных коллективов.

Войну вспоминал изредка, больше с отвращением. Орденские колодки на его пиджаке можно было видеть только в торжественные дни, постоянно он их не носил.

Непоказная интеллигентность С. Е. Мелконова, благородство, преданность любимому делу, педантичность, с которой он ему служит, высоко ценятся в коллективе, где ветеран прора-

ботал практически всю сознательную жизнь. Время неумолимо, не только к прожитому и пережитому, но и к рукам пианиста — они становятся все менее подвижными и послушными, а это заставляет мастера трудиться с возрастающей нагрузкой и требовательностью к себе, шлифуя пассажи, отрабатывая звучание любимых произведений. Молодое поколение взыскательно, для него Серафим Емельянович — не только преподаватель, но прежде всего пианист-исполнитель.

Параллельно с педагогикой идет композиторская деятельность. Кажется, у Мелконова неисчерпаемые кладовые собственных произведений, притом одно лучше другого. Каждое имеет свою историю, смысловую нагрузку. Одно — как бы вглядывается в прошлое, другое, более философское, — взгляд в будущее.

В наше время, что скрывать, мы меньше поэтизируем женщину, не умеем воспеть красоту любимой, не для всех святыня мать и жена. Ими не восхищаются, не поклоняются, забывают дарить цветы. А вот Серафим Емельянович... посвящает им романсы. К 8 Марта каждая из сотрудниц получает свой музыкальный портрет, который отмечает только ей присущие особенности.

В повседневности С. Е. Мелконов умеет довольствоваться малым, не разменивается на вещизм, чужд стяжательства, но с огромной требовательностью относится к себе.

Любит работать с мало одаренными, но тянущимися к музыке детьми, прививая трудолюбие и волю к достижению цели. Может часами с вдохновением рассказывать об ученических успехах Ванечки или Олечки, у обоих в общем-то «медведь на ухо наступил», но он, или она, уже играют и радуют не только родителей, но и преподавателя.

Скромный, несколько застенчивый, несколько задумчивый и даже с признаками рассеянности, Серафим Емельянович раскрывается, даже при короткой встрече с ним, богатством особых, тонких ощущений, наделяя других чувством покоя: оно — в сознании причастности к тому, что было, есть и будет. А значит — ты есть, был и будешь... Связь времен явственна и бесконечна — напоминает нам философ-согражданин С. Е. Мелконов.

Удивительно только, почему с такими людьми мы не встречаемся в широких аудиториях, на голубом экране. Ведь именно им, много пережившим и повидавшим, передумавшим, есть что сказать и уметь сказать. Наконец, подружить с прекрасным. Еще не все потеряно, но следует спешить. Человеческая жизнь не беспредельна.

В ПАМЯТИ МОЕЙ

Бабушка

Прожитое и пережитое, личная практика позволяют, среди прочего, ответить и на такой вопрос: кто и что сформировали в тебе черты характера, определили линию поведения, научили различать хорошее и плохое, ценить уважение, милосердие, терпимость.

Для меня таким человеком была моя бабушка Розалия Георгиевна. Простая женщина, домохозяйка, глава большого, порой сложного в своих взаимоотношениях семейного клана.

Образование она получила типичное для многих нахичеванских армянок — ограничилась гимназией. Знаний не растеряла, берегла, проверяя, перепроверяя и обогащая их нелегким жизненным опытом. А судьба у нее была очень непростая, пожалуй, самая сложная из многочисленных детей фамилии Тер-Григорьянов.

Вышла замуж не по выбору отцом богатого жениха, как велели традиции, а за небогатого, но любимого парня, живущего по соседству, в доме напротив. Практически без приданого она попала в большую, все более беднеющую семью, приняв все как есть, став желанной и любимой невесткой. Если родные дочери приносили своему отцу огорчения, усугубляли его заботы своей неустроенностью, то она несла только радость.

Судьбе было угодно снять их с места и забросить в казацкие деревни, где свекор вел небольшую торговлю мануфактурой. Научилась бабушка ухаживать за домашними животными, доить коров, готовить продукты из молока. Вела хлопотное домашнее хозяйство, растила народившихся детей.

Семья постепенно разорялась, умирали старики, болели дети, муж. Она же с годами становилась негласным лидером, авторитетом. Тот, тяжелейший, период жизни оказался для нее самым счастливым и ярким. Часто потом вспоминала бабушка доброго атамана, в доме которого они снимали комнаты. Полюбила казацкие песни, обычаи. Большая дружба, на долгие годы, связала ее с женой мужниного брата Елизаветой Бароновной Тусузовой. Любовь и преданность этому умному, высокопорядочному человеку она сохранила навсегда.

В Ростов вернулась по случаю болезни среднего сына, поручив его постоянному вниманию и лечению знаменитого доктора Галуста Федоровича Балиева. Снимала полуподвальное помещение на 10-й линии, рядом с прекрасным домом миллионера Чапрастова; жили на грани бедности, с пятью детьми и обездоленным стариком по имени Манук. Помощи от богатых родственников не было, бабушка с многочисленными, порой голодными детьми была им не ко двору, ребятишек полушутя-полусерьезно называли «саранчой».

Позже семья обрела собственную квартиру — власть передала им часть жилья богатого одинокого домовладельца.

Заработки мужа, скромного счетовода, по тем временам были ничтожные, и начали дети с 12—14 лет трудиться, зарабатывать на жизнь и пропитание. Надо сказать о великом бабушкином таланте воспитателя, а также о ее высоких качествах жены, которая, свято любя мужа, помогая, поддерживая, никак не сместила его с роли главы семейства, так необходимой подрастающим юношам.

Дочь, уже взрослая девушка, страстно хотела стать врачом, но надо было получить стаж, окончить фельдшерскую школу. Читая письма, написанные отцом во время прохождения ею практики в районе, изумляешься деликатности, интеллигентности, сквозящей даже в тонком, каллиграфическом почерке. Каждое письмо — призыв к милосердию, исполнению гражданского долга, к ответственности в богоугодном деле. Дочь закончила медицинский институт, посвятив жизнь служению людям.

Бабушка, лишившись в относительно молодые годы мужа, полностью отдала себя детям и внукам. Постоянной горькой, святой ее заботой был безысходно больной сын — тяжкий крест, вплоть до самой трагической кончины Розалии Георгиевны.

Внуки занимали все ее внимание. Многоликая среда, большой город, крушение семейных принципов, раскритикованных как «домострой», — оказывали свое влияние, создавали подчас

серьезные трудности. Случалось всякое — увлечение азартными играми, мелкое воровство, побеги из дому, но бабушка, оставаясь строгим судьей, улаживала, сглаживала острые углы, показывая юному поколению всю прелесть семейных отношений, врачуя сорванцов теплом домашнего очага.

Все дети, не получив музыкального образования, великолепно играли на различных инструментах, импровизировали. После ужина, по вечерам, домашний ансамбль радовал друг друга любимыми мелодиями. Обычно начинали с той песни, которая нравилась матери, — «Цицирнак», затем исполняли украинскую, «Ой, под вишнею». За большим семейным столом делились впечатлениями о прожитом дне, советовались.

Армянский язык бабушка знала прекрасно, как местный диалект, так и литературный, хорошо, грамотно писала, много читала. Когда в семью вошел лихой казак-зять (впоследствии крупный ученый, хирург), Розалия Георгиевна значительно сократила самобытную разговорную тематику, а то и вовсе не позволяла себе говорить на не понятном новому родственнику языке. К чести зятя, он, уловив эту деталь, потребовал разговаривать при нем на армянском и многое усвоил.

Иначе сложилось у младшего сына, женившегося на женщине малокультурной, толком не знающей (!) даже своего родного русского языка. Бабушка, со свойственной ей деликатностью, приучала невестку к семейным традициям и порядкам, но так у нее из этой затеи ничего и не получилось. В семье младшего сына по-армянски не говорили, да и сам он успел его позабыть, жил особняком.

Бабушка в раз и навсегда выработанных принципах была последовательна и непоколебима. Блюла престольные праздники, роскошных столов за неимением денег не устраивала, зато были чай, варенье, и собиралась семья.

Свято верила в Бога, только помолившись, ложилась спать и, встав, благодарила Бога, что встретила новый день. Это была ее личная жизнь. В комнату, когда она молилась на ночь, входить воспрещалось, посвящать в свое сокровенное она никого не собиралась, тем более зная, что за это могут быть наказаны дети, иметь неприятности взрослые на службе. В пасхальные и рождественские дни она ждала настоятеля собора Сурб Лусаворич священника Черченьяна, который приходил поздравить старую прихожанку.

Накануне она купалась, одевалась во все чистое, повязывала голову косынкой так, чтобы ни один волос виден не был. Начинался ритуал: подготовка и приготовление пасхального теста или же раскрытие сорокалиственного пирога. Не

только что заходить в комнату, но даже разговаривать громко и тем более бегать было нельзя. Наконец наступала минута, когда все приглашались к столу со специальным печеньем — «псатиром». Праздничный стол обходился обычно без спиртного, оно бабушку раздражало.

Вечер сопровождался песнями, играл самодеятельный семейный ансамбль, куда, подрастая, включались впоследствии внуки. За столом собирались только близкие, человек 25—30, но обязательно приглашался гость — человек одинокий, обездоленный, обычно соседка по квартире, больная, бездетная. благородная интеллигентная женщина. У нас в семье к ней относились с уважением, дети почитали ее. При всей своей немощности была она очень аккуратна, опрятна. Знала немецкий в совершенстве, бесконечно перечитывала Толстого, Достоевского, Шолохова. Ей я обязан постижением красоты поэзии Пушкина, Лермонтова.

Вспоминается день объявления войны. Утро, когда все с вытянутыми тревожными лицами сидели почему-то в темной комнате, у приемника. Узнав о беде всенародной, бабушка достала икону Божьей матери, которой ее благословили родители, и повесила в центральной комнате, в углу, где ей и положено висеть.

В период оккупации города фашистами Розалия Георгиевна, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью близких, охраняла и прятала еврейскую семью, живущую в нашем дворе. За ними буквально охотился омерзительный тип, занявший комнату этих несчастных. К нам в дом по его доносу ворвались фашисты с требованием предъявить паспорта, считая, видимо, что мы тоже евреи. Минута была трагическая, защитить некому, но бабушка сохранила мужество, убедила, что это семья армян. Как только наши войска выбили немцев из Ростова, бабушка отправилась в церковь и отслужила молебен.

После войны семья еще больше сплотилась вокруг общего очага. Появились сделанные по специальному заказу кастрюли, в них готовилось большое количество пищи, при малом количестве мяса. В доме стало появляться все больше бедных людей, старушек, знакомых бабушке еще по гимназии. Мне запомнилась одна из них, дочь Черчепова, богатого в прошлом человека. Звали ее Люба. Пухлая от голода, страдающая от холода, она приходила с короткими визитами, скромно сидела и никогда первая не говорила о еде, только беседовала с нами, детьми, — о занятиях в школе, какие уроки заданы и что нам непонятно, старалась помочь, быть полезной.

Постепенно жизнь налаживалась, уходил страх холода и го-

лода. Но для бабушки этот период осложнился новой бедой — дочь, молодая женщина, осталась одна, без мужа, с которым прожила годы, помогая талантливому супругу в профессиональном росте, достижении научной цели. Он оставил ее, уйдя к молодой, родившей ему сына.

Бабушка оставила свой дом и перешла жить к дочери, ушла туда, где горе, где труднее. Вслед за бабушкой туда переместился и центр нашей большой семьи.

Время шло. Внуки стали самостоятельными людьми, обзавелись семьями. Не стало монолитного клана, объединенного не только кровными узами, но общими интересами. Розалия Георгиевна как-то замкнулась в себе, все больше обращалась к богу в своих молитвах, которые мне, мальчику, доводилось слышать по ночам. В те годы еще жива была ее девяностолетняя мать, прекрасная в своей старости, с копной белых с голубым отливом волос. Возраст давно отстранил ее от участия в бурных событиях происходящей вокруг нее жизни. Порой она забывала, как зовут ее детей, не говоря о внуках и правнуках. Но каким почетом и уважением пользовалась она в семье! Самое почетное место за столом принадлежало только ей.

Но изуродованный войной и сталинизмом быт вторгся и в нашу жизнь. Становились жестче отношения между братьями — сыновьями. Четче определялся принцип: «твое — мое», «мой — отдай» или же заплати немедленно. Исчезал добрый дух патриархальности. Многим уже становилось в тягость приходить на праздники в бабушкин дом, сидеть за столом с многочисленными домочадцами, гостями, которые порой не импонировали. После таких встреч возникали пересуды, назревала атмосфера отчужденности, насмешливой терпимости. И все же бабушку, по уже не истребимой привычке, стеснялись, в раздоры не вовлекали. И уважали по-прежнему искренне.

В последние годы жизни всю свою любовь Розалия Георгиевна перенесла на меня. Особенно подчеркнуто меня выделяла, с особым выражением называла мое имя — то же, что и имя любимого и дорогого ей человека. Настоятельно приучала меня к труду — мыть полы, стирать и гладить белье, штопать носки, готовить пищу, при этом посвящая в тонкости кулинарного искусства. За эти уроки благодарен ей всю жизнь.

Своих детей моя незабвенная наставница неизменно называла «мои орлы». Радовалась, что они, пережив войну, остались живы, все имеют специальность, обеспечивают свои семьи материально, заботятся об их благополучии.

У бабушки было любимое выражение: «Каждый кузнец

своего счастья» — призыв к труду, действию. Когда ей указывали на недостатки того или иного члена нашей семьи, она, раскрывая натруженную ладонь, показывала пальцы, говорила: «Не все ровны, но все одинаково болезненны». Она хорошо знала индивидуальность, характерологические особенности каждого из детей, внуков, их жен, мужей и даже друзей. Могла заглянуть на десятилетия вперед, предвидела последствия действий, более того, действия кого-то конкретно из нас. И не ошибалась, предрекая и настаивая на своем решении. На собственном примере мне пришлось убедиться в этом...

Когда случилось непоправимое — у бабушки обнаружили рак желудка, операция принесла только временное облегчение, бабушка, понимая, что дни ее сочтены, потребовала вызвать нотариуса и пригласила всех детей, объявив свои распоряжения. Этим она защитила слабого больного сына, моего отца, и его детей.

Смерть Розалии Георгиевны, общее семейное горе, как бы вновь сплотили всех. Хоронили бабушку на старом армянском кладбище, везли туда на катафалке, запряженном лошадьми, мимо любимого ею храма Сурб Лусаворич. Отпевали в кладбищенской церкви, пел хор. Похоронили рядом с любимым мужем. В последний путь провожал ее священник Черчепьян, прихожанкой которого она долгие годы была.

Не стало мудрого человека, советчика. Но осталась вечная память — совесть семьи. Розалия Георгиевна завещала своим потомкам трудолюбие и скромность, презрение к лести, неподкупность.

Недавно, читая Библию, великолепный трехтомник, полученный мною в дар от митрополита Ростовского и Новочеркасского владыки Владимира, во втором томе я столкнулся с мудростями, мыслями, высказываниями, до боли знакомыми. Я как бы услышал голос своей бабушки.

Находясь в Кабардино-Балкарии, в командировке, повстречал я друзей студенческих лет, теперь уже видных ученых, руководителей. Говорили о прошлом, о нелегкой, но интересной, неповторимой студенческой жизни. И вдруг, неожиданно, в этот хор воспоминаний вплелось теплое слово о моей бабушке: как встречала она моих сокурсников в стенах своего дома, сытно кормила, обогревала вниманием и лаской. Убеленные сединами «студенты» рассказывали, как тянуло их к нашему домашнему очагу, как горячо было желание встретиться с Розалией Георгиевной, посоветоваться с ней, пообщаться. В далеком горном ауле, через тридцать прошедших лет, с теплотой и признательностью вспоминали простую армянскую женщину,

отдавали должное ее добродетелям. Да святится имя твое, дорогая моя бабушка!

Улица моего детства

Время притупляет горечь утрат и остроту собственных переживаний, боль сердечных ран. И порой нам кажется, что все непременно забудется, сравняется с землей, порастет травой. Как незначительная, так и бесплодно прожитая жизнь умирает в сознании и памяти людей. А у обывателя прочно сложился стереотип мышления — время все сотрет.

Долгие годы мы воспитывались под звуки фанфар и трескучие лозунги и, главное, — забывая историю своего народа, края. С оглядкой верили неверному, да просто были рады, что не за нами пришли ночью, что еще живы и самоотреченно произносили «правильные» речи и «правильно» думали.

Человеку, прожившему на одном месте, одной улице, от рождения и до седых волос, от первых своих шагов до первого шага своих детей, до боли родны и знакомы трещины ее тротуара или камни ее мостовой. Дорога, по которой ступали ноги предков и которой сам прошел, протопал, падал, расшибаясь в детстве, укрепляет поступь в юности и придает в зрелые годы уверенность — это правильная дорога. Дорога детства, дорога в отчий дом.

С годами приобретает особое значение даже дерево, высаженное и выращенное твоим предком. Мощный крепкий ствол, красивая, раскидистая крона вселяют веру в долгую жизнь, являются маяком.

В семье вспоминали, как мой дед посадил неокрепшее деревце под окном на улице за год до своей кончины. Бережно ухаживал за ним, поливал, обнес частоколом, следил за тем, чтобы озорники не сгибали его, не обрывали листву. Посадил дерево для внуков и правнуков. Выросло огромное и крепкое дерево с красивой кроной и большими острыми иглами, которые охраняли его неприкосновенность. Каждый раз, отправляя жену в родильный дом, я подходил к этому дереву, и мысленно просил его подарить мне сына. По сей день я ему благодарен за своих сыновей.

Моя улица всегда была для меня не только дорогой в дом, но и в храм, побудительницей к познанию и высоким человеческим идеалам. Местом нравственной чистоты, где я уже

в детские годы задавал себе вопрос: «Что сделано мной для людей? Достоин ли ты тех, кто жил некогда на этой улице?»

Сама улица небольшая, в три квартала, и в городском плане старого Нахичевана, да и ныне, значится под номером 23. Берет свое начало от площади Свободы, спускаясь вниз к Дону, упираясь в проходную завода «Мыловар» (комбинат «Рабочий») и завода шампанских вин.

В прежние времена эта дорога непременно бы привела вас к храму на 1-й Успенской, ныне 1-я Пролетарская, в церковь Сурб Аствацацин-2. Поднимаясь вверх, вышли бы мы на площадь, где стоят красавец театр, женская гимназия (школа № 13), городское начальное мужское Александровское училище (жилой дом), а далее дорога вывела бы к храму Сурб Лусаворич и великолепной Александровской церкви.

На этой улице и на прилегающих соседних линиях жили люди, с именами которых часто встречаемся в исторической отечественной и мировой литературе. Это поэт Рафаэл Патканян, писательница Мариэтта Шагинян, каталикос всех армян Чорекян Геворк, адвокат Г. Чубаров, революционер Мясникян, скрипач Аветик Габриэлян, миллионер, владелец картонажной фабрики Искидаров, хирург К. Ф. Кечекьян...

Каждый дом имеет свою, неповторимую историю, многие и по настоящее время охраняются государством как памятники архитектуры. Но все же главный памятник — люди, построившие эти дома, прожившие достойно поколение за поколением, создавшие этот особый микроклимат — уважения друг к другу, взаимопонимания и бережного отношения к детям и к прошлому.

Наша улица и ее дома были свидетелями эпохального события. 14 (26 апреля) 1886 года к пристани у 23-й линии причалил печально известный пароход с телом политического ссыльного, любимца народа, поэта, писателя, философа, демократа — Микаэла Налбандяна.

Жители улицы устилали дорогу напротив своих домов коврами и забрасывали их цветами. Практически все горожане и крестьяне окрестных деревень вышли к причалу встретить опального поэта. Тело национального героя несли на руках вверх по 23-й линии, по коврам, усыпанным цветами, в собор Сурб Лусаворич на отпевание.

Проносили мимо дома городского головы, практически организатора столь пышных похорон, Я. Хлытчиева — дедушки писательницы Мариэтты Шагинян. Жил он в небольшом двухэтажном особняке из красного кирпича, с мраморными подоконниками. Именно этот дом был одним из трех в Нахичева-

не, где на видом месте в зале висел золотой орел, символ того, что был посещаем августейшей особой: здесь останавливался будущий император России Александр I, цесаревичем сопровождая свою мать императрицу проездом через Ростов-на-Дону.

Улица видела впоследствии и опального Хлытчиева, лишенного не только должности (а он был переизбран городским головой на новый срок), но и кредитов, возможностей приумножить, а затем и сохранить свой капитал.

Из скупых строк архива с интересом узнаем, что на этой улице жил Мелкон Султан-Шах — преподаватель церковноприходской школы Сурб Григор Лусаворич, член Нахичеванского благотворительного общества, близкий друг Налбандяна, посетивший его в Петропавловской крепости. Жил он по 23-й линии в доме № 18 (20).

Воскерьян Саркис — священник, кассир кассы «человеколюбивого общества» г. Нахичевана, член водопроводной комиссии Нахичеванской думы. Ему принадлежал дом № 11 по 23-й линии, там же находилась ювелирная мастерская Н. Серого.

Канцелярия старшего фабричного инспектора области Войска Донского располагалась в доме № 24 (26).

Писательница Мариэтта Шагинян тоже проживала по 23-й линии, в доме своей матери, этот дом нынче разобран. Некоторое время она училась в женской гимназии (ныне школа № 13). Приехав в Нахичеван в 1915 году, жила здесь до 1920-го. Была в дружбе с видным революционером С. Лукашиным, художником М. Сарьяном, композиторами М. Гнесиным, Р. Глиэром, встречалась с Сергеем Рахманиновым и присутствовала на его концертах. Она вела курс эстетики и историю искусств в музыкальной школе Прессмана, а позже — в Донской консерватории. После освобождения города от белогвардейцев М. С. Шагинян организовала первую Донскую прядильно-вязальную школу, где была директором и преподавателем.

На квартире у писательницы часто собирались молодые дарования, чтобы послушать в ее исполнении произведения Бетховена; любила она и сама слушать игру юного скрипача Аветика Габриэляна.

Напротив этого дома, по 1-й Федоровской улице (имени М. Сарьяна) № 11 (13), жил и творил поэт Рафаэл Патканян. Автор серии рассказов («Открытый двор», «Война», «Ходячие трупы» и др.), создатель пьес, работы по истории основания Нахичевана. Он писал памфлеты на местных богатеев, высмеивал и клеймил пороки недостойных сограждан. Был одним из создателей ремесленного училища.

Григор Чубаров — присяжный поверенный, член попечительского совета духовной семинарии, председатель общества любителей драматического театра, член садовой комиссии, основоположник армянского драматического профессионального театра в Нахичевани, автор многих пьес, режиссер театральных постановок. Им был приобретен участок (свалка) перед домом и разбит уникальный сад-дендрарий. Проживал он по 21-й линии в доме № 11 (13).

На той же линии жил Аветик Габриэлян — музыкант с богатейшими данными, скрипач-виртуоз. Первым учителем и наставником его был дядя Саак Хорозян, дальнейшим музыкальным образованием занимался Г. П. Серебряков — скрипач и дирижер. С 1918 года Габриэлян учился в классе И. А. Зелихмана. В 1920 году под руководством М. Ф. Гнесина создает первый оркестр, куда входят Е. Коган, М. Колбасникова и К. Блок. В 1924 году в Московской консерватории создает смычковый квартет, в котором участвуют Л. Оганджанян, М. Териан и С. Асламазян. Габриэлян гастролировал во многих европейских странах, а также в Японии, США и Канаде. Аветик Габриэлян — народный артист Армянской ССР, лауреат Государственной премии СССР, профессор Московской государственной консерватории, организатор и первый скрипач квартета имени Комитаса.

После революции многие семьи выехали заграницу, других выселили из их домов, третьи сами покинули Нахичеван. Пришли новые люди, принесли с собой новую культуру. Рядом с ними доживал свой век замечательный хирург К. Ф. Кечекьян, цветовод, знаток истории Армении. А напротив его дома в маленькой покосившейся хате жила семья единственного оставшегося в живых армянского священника Черчеьяна. После 1937 года, когда практически все священнослужители были репрессированы, он сам и его имя были овеяны едва ли не легендами. Жил скромно, незаметно, принося радость старикам и верующим. Обладал звучным красивым баритоном, незаурядными актерскими способностями. Церковная служба — всегда красочное представление. Многие искали утешения в храме, в молитвах, он им это давал. Будучи энергичным человеком, успевал за день побывать везде — на крестинах, свадьбе, похоронах, панихиде, провести торжественную службу. Вечерами собственноручно, красивым почерком переписывал с армянского языка на русский церковный календарь, раздавал своим прихожанам. При нем был взорван прекрасный собор Сурб Лусаворич, настоятелем которого он являлся. Больно было смотреть на старого священника, сидящего на паперти отныне

вечно пустующей кладбищенской церкви. При виде этой сцены мне невольно вспоминалось полотно — «Все в прошлом»...

Постоянно была окружена вниманием женщин врач-гинеколог С. М. Багдыкова-Карташова, проживавшая по 23-й линии, 18, в доме Л. Попова. Еще браво вышагивал военный врач в отставке Шестеркин, проживавший в доме Андроповых (внуку его было суждено стать руководителем нашего государства). Там и поныне живет 90-летняя невестка Андроповых.

Сравнительно недавно ушел из жизни обаятельный степенный человек, в юношеские годы служивший под началом Андроника. Известно, что в годы геноцида Г. Чалхушян, Г. Чубаров, Г. Бахчисарайцев, Е. Шахазиз, Р. Берберян, С. Мясникян, Х. Поркшян создали комитет солидарности с западными армянами. В Нахичевани было отпечатано и распространено 5000 фотографий Андроника Озоряна, многие пошли добровольцами на турецкий фронт. Молодежь горячо откликнулась на призыв, в их числе и наш сосед.

Война не прошла стороной и нашу улицу. Бомбами разрушены дома. Погибли люди

После войны началось строительство новых домов, разрешалось это не всем. Появился на улице угрюмый, неприветливый человек, одетый в полувоенную форму. Прошел слух, что это старый большевик, причем, «с каким-то прошлым». Люди его сторонились. Выстроив дом, семья жила в нем замкнуто, нелюдимо. На улицу из этого дома выбегал странный молодой человек (с признаками умственного расстройства).

Рядом поставил дом человек приветливый, контактный и, как выяснилось впоследствии, знающий и мудрый. Всю войну он прошел рядовым сапером, имел мирную специальность мукомола. Являлся экспертом в своем главке. Воспитал отличных детей, которые выросли в крупного инженера и доцента-философа. Дом и двор они с женой содержали в образцовом порядке, были примером для остальных жителей улицы. Контраст между двумя хозяевами всем бросался в глаза.

В каждой семье кто-то время от времени заболевает, а дом врачей всегда открыт для них. Но мрачные наши соседи даже в эти минуты никогда не обращались за помощью, только — официально, только в поликлинику или по срочному вызову. Заболел глава семьи и, по-видимому, серьезно. Со своей бедой соседи справлялись сами. Но наступила смерть. Мало кто знал, когда состоялись похороны.

Спустя многие годы, уже после смерти жены и больного умом сына, поведали мне удивительную историю. В молодые годы наш «старый большевик» служил в 1918 году в красно-

армейских войсках под Екатеринбургом. Был, оказывается, он одним из тех, кому было судьбой уготовано сопровождать под арестом царя Николая II с семьей. Да не только сопровождать, но и участвовать в кровавых событиях расстрела царской семьи. Умирая, мрачный человек позвал к себе своего соседа и доверил ему тайну своей души. Эту тайну он пронес через всю свою жизнь, никому не доверяя, стыдясь и боясь ее, сторонясь людей.

Постепенно уходит старое поколение, унося с собой целую эпоху. Уже не гоняют мальчишки по крышам голубей, не слышны крики голубятников — «ули-ули», не размахивают в воздухе длинными шестами... Не возникает ребячьих потасовок из-за голубя-«чужака», не завязывают ему путы, не обсуждается вопрос, когда можно его выпустить со стаей, привык ли он к полтавской голубке? Забыта игра в гайданы, когда солидно разбирали, как упал биток — на чик, пик, талу или арцу. Перестали играть «в орла и решку». И тем более не отбивают больше «жестки», правой, левой ногой по очереди. Перестали играть в чилика, разбивая стекла в соседских окнах. Не гоняют ребятишки металлический обруч, лихо направляя его «водилой».

Нет на улице цокота копыт верховых лошадей, не слышно шума пролеток, мерного шага тяжеловесов. Не бранятся на лошадей драгали, переворачивая телегу с углем у двора, подняв ее за переднее колесо. Уже не ездят «бочкари», оставляя за собой шлейф «аромата». Остался в прошлом рожок керосинщика. Не увидишь рабочих, ремонтирующих булыжную мостовую. Не варят в огромных круглых котлах-жаровнях асфальт для тротуаров.

На смену старому поколению пришло новое. Вчерашние мальчишки — уже зрелые люди, порой крупные, именитые специалисты, лауреаты премий. Или просто они отцы и дедушки. Иногда они, разгулявшись по воскресеньям, начинают гонять в футбол или долго спорят о том, как правильно играть в гайданы, позабыв при этом не только как держать их в руке, но и как называть их грани.

Многие из прежних ребят поменяли место жительства, разбрелись по миллионному городу, но частенько приезжают с детьми и внуками на улицу своего детства, знакомят с ее достопримечательностями, подчеркивают особый колорит. Иные просто приезжают к друзьям, оставшимся на этой улице, сообщить, что живы и не зря, а с пользой живут на свете.

Время берет свое, однако оно никогда не вырвет из памяти сердца улицу детства, особенно — после долгой разлуки с ней.

СХЕМА
расселения армян после падения царства Багратидов (961—1062 гг.)

г. Ани
Падение — 1062 г.

Расселение армян:

Византия
XII век

г. Вану
Васпуракана

г. Сис
Киликия

Иран
г. Нор-Джуга

Индия
г. Калькутта

Нижняя Волга
между городами
Казань и Астрахань
г. Акоарай (Белый город)
1062—1330 гг.

Крым
1330—1778 гг.
Города: Каффа, Бахчисарай, Карасубазар,
Гезлу, Акмачим, Эски — Крым.
Села: Топту, Сала, Султан Сала, Орталин, Камышлик,
Гуруксу, Бурунчук — Отар, Точак.
Ор-Базар, Нахичеван, Мелик, Хоял, Гурзуф,
Хшлав, Кемчак, Савук-су, Казарат, Бахчи-Эли

Переселение из Крыма
1778 г.
17 июля по 28 сентября

Переселение армян в крепость
Св. Димитрия Ростовского
14 января 1780 г.
Основан город Новый Нахичеван
Села: Мец Салы, Султан Салы,
Топти, Чалтырь, Несвитай,
Катериновка, Крым

Армяне-католики
переселились к городу
Екатеринослав (Днепропетровск)
80 дворов

Из Крыма армяне расселялись в города Армавир, Львов, Каменец-Подольск, Варшаву, Краков, Геную, Трапезунд.

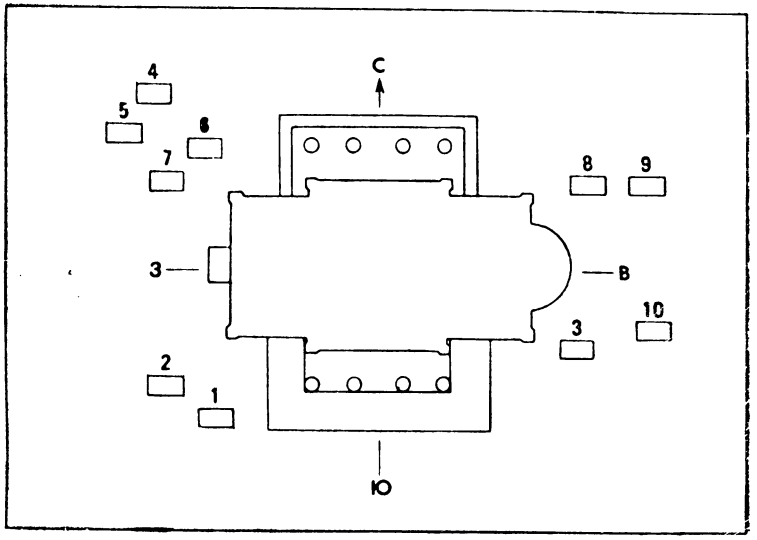


Схема расположения захоронений вокруг Сурб Хача

1. **М. Налбандян** (1829—1866) — писатель, философ, революционер, демократ.
2. **Р. Патканян** (1830—1892) — писатель.
3. **А. Аламдарян** (1796—1834) — поэт, драматург, врач, педагог.
4. **Г. Тигранян** — доктор медицинских наук, общественный деятель.
5. **К. Срапян (Срабионян)** — преподаватель словесности.
6. **М. Данагёзян (Муше)** — настоятель, преподаватель математики (надгробная плита имела длинную надпись от имени каталикоса Геворка об ученых достоинствах похороненного).
7. **Н. Нагапетян** (умер в конце XIX века) — преподаватель истории.
8. **А. Тер-Никогосян** (умер 03.04.1888) — преподаватель литературы.
9. **О. Егераци** (умер в 1831) — преподаватель истории.
10. **К. Себастаци** (умер в 1826) — преподаватель математики.

На всех могилах были надгробья из черного базальта, имевшие ценность в скульптурно-архитектурном отношении. Утрачены в наше время.

Составитель схемы В. Г. Чинчян, 10.06.69.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Это было... было... было... 4

Имена в истории Нахичевана 9

Цифры, факты 13

Первые учебные заведения в г. Новый Нахичеван 13

Частные учебные заведения г. Нахичевана (1880—1918 гг.) 14

Цифры, факты 16

Мариинская больница 16

О торговле 19

Обычаи, нравы 20

Праздники и праздничная кухня 21

Нахичеванские портреты 24

Слово о докторе 24

Г. Ф. Балиев 27

М. П. Атоян 29

К. Ф. Кечекьян 30

Л. В. Тер-Григорьян 34

М. Г. Чарыхов 37

М. В. Дерацуян 39

П. М. Шорлуян 41

С. М. Багдыкова-Карташова 45

И жизнь, и слезы, и любовь... 49

Людвиг Дурян 49

Ф. С. Готьян 51

А. К. Ованесов 61

Г. Б. Тусузов 65

М. Г. Хачумов 70

А. Г. Кинокциян 72

И. С. Чардаров 76

С. Е. Мелконов 78

В памяти моей 81

Бабушка 81

Улица моего детства 87

Приложения 93

БАГДЫКОВ Минас Георгиевич

НАХИЧЕВАНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Издание осуществлено за счет средств автора

На обложке — репродукция с картины А. К. Ованесова **«Арест Налбандяна»**

Редактор **Л. С. Акентьева.**
Оформление **В. С. Тер-Вартаняна.**
Корректор **Л. Г. Мирная.**

Сдано в набор 28.11.90. Подписано в печать 24.01.91. Формат 60x84 1/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать Усл. п. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 5000. Заказ 4310. Цена 2 руб. 50 коп.

Ростовское книжное издательство.
344706, Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23.

Издательство «Молот». 344007. Ростов-на-Дону, Буденновский, 37.